Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ШЛЯХОВА Светлана Сергеевна

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛИИ В РУССКОЙ РЕЧИ

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Пермь 2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная лингвистика сталкивается с парадоксальной ситуацией: с одной стороны, нельзя отрицать существование, по словам Цв. Тодорова, «экстравагантных» дискурсов (заумные формы речи, тексты бредовых и трансовых состояний, «квазиязыки» футуристов, обэриутов, постмодернистов и пр.), с другой стороны, использование для их описания традиционных (системно-структурных) подходов оказывается явно недостаточным, поскольку их системность имеет другую природу.

В центре внимания реферируемого диссертационного исследования – языковые образования звукоизобразительного характера ***толк, бум, бах*** и т. п., системное лингвистическое описание которых до сих пор не осуществлено. Причина этого – нахождение данных единиц на границах фонемного, грамматического строя языка, слова и даже предложения. Именно маргинальность этих единиц обусловила противоречия в их структурном и семантическом осмыслении. В работе для обозначения этих единиц используется термин *фоносемантические маргиналии* (ФМ), который подчеркивает маргинальный статус и звукоизобразительную (ЗИ) природу данных единиц.

Изучение маргинальных сфер человеческого бытия - одна из самых актуальных тем в современной науке (Р. Парк, Э. Стоунквист, В. Тэрнер, С. Гурин, Ж. Делез, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, М. Бахтин, С. Франк, Г. Шпет, К. Богданов, А. Панченко, Т. Шехтер, И. Ильин и др.). Исследование языковой маргинальности также имеет определенную историю (П. Флоренский, А. Крученых, В. Хлебников, А. Туфанов, Л. Липавский, В. Бабайцева, Л. Малаховский, И. Высоцкая, А. Баудер, П. Хоппер, С.Томпсон), однако в целом можно говорить о недостаточной разработанности в лингвистике как феномена ФМ, так и идеи маргинальности как таковой.

ФМ продолжают оставаться «лингвистической неясностью» как в западной лингвистике, так и в русистике: пока не определен их статус в языковой системе. Именно этим положением объясняется **актуальность темы** исследования. Кроме того, сама фоносемантика в русистике остается в определенном смысле маргинальным разделом.

Объект исследования - языковая маргинальность. **Предмет** исследования - система русских ФМ в целом (ФМ-система) и единицы, составляющие эту систему – фоносемантические маргиналии.

Под *ФМ* понимаются ЗИ (примарно мотивированные) единицы языка, которые составляют ядро звукоизобразительной системы (ЗИС) языка, а также обусловливают развитие этой системы. ФМ являются мотивированными (непроизвольными) знаками, звуковой облик которых обусловлен их значением, где происходит корреляция между структурой элементов знака и структурой элементов денотата. На фоне слова (в понимании классической лингвистики) ФМ отличаются диффузным, размытым структурно и семантически неопределенным статусом. *ФМ-система* рассматривается как маргинальная подсистема, которая является базовой для ЗИС языка в диахронии и одной из подсистем ЗИС в современной синхронии.

Цель работы - описание феномена ФМ как целого в системно-структурном и функциональном аспектах.

Цель исследования предполагает решение **частных задач: 1)** определить необходимость выделения нового раздела – лингвистики маргиналий, которая имеет собственный предмет и методологию. В качестве «пилотного» материала как предмета лингвистики маргиналий предложить исследование русской ФМ-системы;

2) обосновать понятие «фоносфера», входящее в парадигму уже существующих понятий «биосфера» (В. Вернадский) и «семиосфера» (Ю. Лотман), и понятие «фоносемантическая маргиналия», которая является одной из составляющих фоносферы;

3) представить движение (линейную динамику) ФМ-системы в системно-структурном и функциональном аспектах;

4) представить ФМ-систему как описание возможных вариантов ее изменений (нелинейную динамику). Как один из вариантов ФМ-системы рассмотреть ее существование в рамках «другой» речи;

5) выявить свойства, обусловливающие маргинальность ФМ-системы, и их взаимосвязь;

6) рассмотреть характер и способ функционирования ФМ в современной русской речи.

В процессе исследования ФМ была определена основная **концепция разрабатываемой теории**, которая состоит в понимании феномена ФМ как системного образования, характеризуемого с позиций линейной и нелинейной динамики бытия языка.

Специфика предмета исследования обусловливает **методологию**, которая связана в том числе и с общей теорией систем (теория катастроф (бифуркаций), теория изменений, синергетика и др.). Феномен ФМ осмысляется в контексте концепций детерминизма (линейных динамик развития) и нелинейных динамик. В описании ФМ применяется комплексный язык описания: общая теория систем, системно-структурный метод, элементы метода реконструкции. Используются частные методы исследования – методы наблюдения, сопоставления, лингво-стилистического, этимологического, контекстуального, семного, семиотического, и фоносемантического анализа, а также введенный автором метод доминантности ономатопей. Исследование ФМ-системы проводится в структурно-синхронном и диахронно-динамическом аспектах.

В качестве **эмпирической базы** исследования использовались данные изданного автором словаря («Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий». Пермь, 2004), включающего более 1500 словарных статей. Анализу подверглись 1533 ФМ, из них - 360 акустических ФМ, 183 артикуляторных ФМ, 295 ФМ говорения, 268 слов-обращений к животным, 140 подражаний голосовым сигналам животных и птиц, 287 звукосимволических ФМ. В качестве сравнительного материала были исследованы 92 ЗИ-корня, репрезентированных в 195 единицах лексики говорения, - всего 1728 единиц.

Материалом исследования явились также тексты художественной литературы (поэзия и проза футуристов, обэриутов, постмодернистов), фольклора

(анекдоты, былички, пословицы, поговорки, загадки, пестушки, потешки, сказки, заговоры, песни ведьм), детского фольклора (считалки, дразнилки, детская заумь) и – в незначительном количестве – тексты патологического дискурса (камлания, глоссолалии). Разнородный по структуре и функционированию материал обусловливает достоверность полученных результатов. Достоверность выводов, полученных в ходе исследования, обусловлена также интерпретацией материала в контексте лингвистики, общей семиотики, биосемиотики, философии, психологии, культурологии.

Научная новизна исследования состоит в обращении к предмету исследования, в обосновании новых подходов к изучению языковых универсалий. Новым является осмысление системности ФМ, а также понимание ФМ-системы как базовой подсистемы ЗИС языка и периферийной подсистемы языка в целом.

ФМ интерпретируются в общесемиотическом контексте, где зона ФМ-системы понимается как зона перетекания биосферы в семиосферу, преобразования не-семиотического звука в семиотический. ФМ рассматриваются как системно-структурная сущность, обладающая собственной функцией и самодостаточными лингвистическими характеристиками. В работе феномен «фонетические маргиналии» понимается как «начало» человеческой речи («проторечь»), а ФМ-образование выступает как протосемиотический знак, подвергаемый культурно-языковой семиотизации. Одновременно с этим ФМ рассматриваются как самоорганизующаяся система в рамках теорий нелинейных динамик.

Теоретическая значимость исследования состоит в новом подходе к изучению фоносемантического пространства языка. Новыми, на наш взгляд, являются понятия «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», «другая речь». Автором также предложен собственный метод фоносемантического анализа – метод доминантности ономатопей, который позволяет определить лингвистические, стилистические, психологические, а также отдельные когнитивные и генетические основы текста.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения полученных данных в этимологии: благодаря выявлению фоносемантической основы языка расширяется интерпретационная база этимологизирования отдельных лексических единиц, увеличивается число «прозрачных» этимологических версий. Практическое применение данных исследования возможно также в расширении лексикографической базы русских словарей, которые зачастую отказываются от фиксации и дефиниции подобного материала. Исследование системных свойств ФМ дает методологическую базу для выявления оценочных коннотаций слов, которые в словарях отсутствуют.

Возможность применения полученных результатов связана с разработкой отдельных вопросов в рамках университетских курсов по дисциплинам «Общее языкознание», «Теория коммуникации», «Стилистика», «Психолингвистика».

Реализацией и внедрением результатов исследования явилось создание русскоязычного фоносемантического словаря («Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004), где системное описание единиц выводится из их фоносемантических характеристик.

Положения, выносимые на защиту: **1)** ФМ-система представляет собою системно-структурное образование, развивающееся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (языковая система) и внешней (внеязыковая звучащая реальность) средой ее существования;

2) системность ФМ-системы обусловлена: а) наличием собственной единицы, организующей систему (ФМ); б) особым типом знаковости (безусловная примарная мотивированность); в) наличием особой функции (биологической, протосемиотической); г) особой структурой, обусловленной устройством фоносферы; д) спецификой функционирования (области проявления различной степени измененного сознания); е) спецификой парадигматических и синтагматических отношений, обусловленной фоносемантическими свойствами ФМ. Данные параметры обеспечивают закрытость и устойчивость ФМ-системы;

3) одновременно с этим ФМ существуют как нелинейная самоструктурирующаяся среда (случайное обретение системой того или иного свойства), где автономные свойства ФМ-знаков, заданные на биологическом уровне, репрезентируются в разного рода дискурсах. Следствием этого являются особенности функционирования и существования ФМ в речи - обрядово-игровой и магически-религиозного дискурс; идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и в состояниях измененного сознания. Данные формы речи обеспечивают открытость и неустойчивость ФМ-системы;

4) ФМ-система является маргинальной подсистемой в рамках ЗИС языка, которая, в свою очередь, является составляющей языковой системы в целом. Возможность выделения ФМ-системы в рамках ЗИС языка обусловлена в том числе и нивелировкой отдельных универсальных законов звукоизобразительности в ФМ-системах (закон относительной денатурализации языкового знака). Свойства маргинальности ФМ-системы проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ.

Апробация работы. Материалы исследования были положены в основу учебных пособий («Анализ звуковой структуры и интерпретация поэтического текста». Пермь, 1996; «Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику». Пермь, 2003) и монографии («Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики». Пермь, 2005). На протяжении десяти лет автором читаются спецкурсы по дисциплинам «Введение в русскую фоносемантику», «Фоностилистический анализ текста» в Пермском государственном педагогическом университете, Пермском государственном техническом университете.

Основные положения работы представлены в виде докладов на всероссийских («Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и в ВУЗе», Нижний Новгород 1993; «Язык. Сознание. Этнос. Культура», Москва 1994; «Явления вариативности в языке», Кемерово 1994; «Язык города», Омск 1995; «Фольклорный текст», Пермь 1998, 1999, 2000, 2002; «Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики, фоносемантики», Пенза-Москва 1999; «Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи», Соликамск 2002; «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания», Пермь-Кудымкар 2003; «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты»,

Барнаул 2003; «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания», Пермь 2003; и др.) и международных («Язык и культура», Москва 2001; «Изменяющийся языковой мир», Пермь 2001; «Языковое сознание: устоявшееся и спорное», Москва 2003; «Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации», Пермь 2005; «Знак: икона, индекс, символ», Санкт-Петербург 2005) конференциях и симпозиумах; теоретических семинарах филологического факультета ПГПУ, школы психолингвистики ПГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка принятых в диссертации сокращений, списка использованной литературы (359 русскоязычных и 33 иноязычных наименований), лексикографических источников (68 наименований) и пяти приложений. Положения диссертации иллюстрируются 27 таблицами, 5 рисунками и схемами.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **I главе «Фоносемантические маргиналии (ФМ): постановка проблемы»** рассматриваются проблемы маргинальности в современном научном дискурсе и определяется характер предмета исследования в категориях маргинальности.

В **первом разделе «Проблема маргинальности в научном дискурсе»** рассматривается современное решение проблем маргинальности в науке. В п.1.1. исследуются *проблемы маргинальности в гуманитарных* дисциплинах (социальная философия и социология, антропология, философия культуры, культурология, теология, фольклористика). Прослеживается динамика расширения объема понятия маргинальность от узкого (социологического) контекста к более широкому - гносеологическому (многообразие дискурсов, ментальностей, научных парадигм), а затем и к универсальному – онтологическому - контексту. Маргинальность предстает как внутренняя характеристика различных сфер человеческого бытия.

В п.1.2. элементы *лингвистической маргинальности* рассматриваются как составляющие в ареальной лингвистике (латеральная и переходная зоны), в исторической лексикографии (маргинальная глосса), в структурализме (элемент НС), в истории лингвистики («лингвистический модернизм» начала века). Объем понятия маргинальности в лингвистике ограничивается категориями «граница, край», «переходность», «периферия». Соответственно маргинальность исследуется как переходность (транзитивность) / непереходность (интранзитивность); транспозиция (трансляция, грамматическая конверсия).

Во **втором разделе «Лингвистика маргиналий: постановка проблемы ФМ»** определяется необходимость выделения лингвистики маргиналий. В п. 2.1. ставится акцент на том, что *использование категорий маргинальности в лингвистике* позволит расширить предмет исследования, ввести новые когнитивные подходы в исследование языка, поскольку маргинальность актуализирована в теории познания (выделение различных форм мышления; проблема границ, пределов и способов познания). Предмет исследования лингвистики маргиналий - те языковые пласты, которые обычно рассматриваются как несущественные для прояснения природы языка в силу их количественной незначительности и качественной неоднородности: кроме «отрицательного» языкового,

в терминологии Л. В. Щербы, материала, это недоминантно структурированные единицы, заумные формы речи, тексты бредовых и трансовых состояний, «квазиязыки» (футуристы, обэриуты, постмодернисты), «другие» грамматики и пр. За расширением предмета исследования следует корректировка методологических подходов, поскольку традиционные методы порой оказываются недостаточными. Можно говорить также о соотношении в рамках лингвистики идей линейного (классическая лингвистика) и нелинейного (лингвистика маргиналий) представления описываемого процесса. Исследование маргинальности позволит обнаружить «другую» сложность внутреннего устройства языка, многомерность и нелинейность его системы.

П. 2.2. посвящен анализу *принципов и методов исследования ФМ*. В описании феномена ФМ выделяются два основных методологических подхода: системные теории и теории самоорганизации. В основе системного анализа лежит принцип системности, в основе теорий самоорганизации - принцип развития. Связь ФМ с природным (биосферным) началом делает актуальным применение синергетических подходов; одновременная принадлежность их биосфере и семиосфере обусловливает обращение к фоносемантическим методам; лингвосемиотическая природа ФМ проясняется в рамках системно-структурного метода.

В п. 2.3. ФМ соотносятся с различными сферами человеческого бытия и интерпретируются *как одна из зон лингвистики маргиналий*. Социологическое понимание маргинальной личности соотносится с социолингвистическим понятием *маргинальной языковой личности,* где ФМ являются одним из маркеров этой личности (детская речь, речь в состоянии измененного сознания).

С ФМ связано антропологическое понимание маргинальности - границы человека (тела и сознания); границы человеческого / не-человеческого бытия. Только артикуляторные ФМ (чихание, храп, кашель и пр.) отражают в языке *физиологическое бытие* человека в своем отприродном (полуживотном) смысле; на уровне ФМ существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от полуживотного бытия к человеческому.

При этом обыденное бытие семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень. Например, понимание чихания как божественного промысла и вера человека в метафизическую зависимость от этого акта (К. Богданов). Смех также переходит в ментальную, религиозную, политическую сферу: греховность смеха в православии, отрицание смеха в XVI-XVII вв. в официальной культуре; физическое истребление скоморохов на Руси, а в петровское время - уже и юродивых.

На границе между человеческим и не-человеческим ФМ формируют специфические коммуникативные коды как с животными (слова-обращения к животным и птицам), так и с сакральным (потусторонним) миром (глоссолалии и заговоры). ФМ имеют отношение к пограничным формам человеческого бытия: пограничным фигурам (медиатор), *пограничным состояниям маргиналов* (транс, одержимость, радения и др.). Функционирование ФМ непосредственно связано со *специфическими духовными и интеллектуальными практиками* в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектантство),

фольклорном и литературном (заумь) пространстве. ФМ-системы «другой» речи связаны с миром *трансцендентного, «другого» времени и пространства, сверхбытия*: на уровне зауми проходит граница между сознательным и бессознательным, контролируемым и неконтролируемым, человеческим и Божественным, сакральным и профанным. Одновременно ФМ являются зоной «*социальной повседневности*», бытуя преимущественно в живой устной речи.

ФМ являют *уникальный, специфический, неповторимый* и необратимый опыт языкового бытия. Одновременно с высокой степенью семиотичности (универсальность на уровне фонемотипа, структуры и семантики) ФМ сохраняют свой уникальный, часто единичный статус (фонетическая, семантическая, морфологическая вариативность и аномальность).

Культурологическое понимание маргинальности как *периферийных художественных программ*, индивидуального специфического поиска связано с активным функционированием ФМ в поэтической зауми.

Выводы по I главе. В контексте современной структурной лингвистики можно говорить о существовании двух сфер языка: доминирующей, которая поддается структурному описанию, и маргинальной, которая выходит за его пределы. Маргинальной сферой языка можно считать гипотетическое, потенциальное пространство ЗИ-сферы, которое формируется и существует на базе ФМ. Можно предполагать в будущем оформление лингвистики маргиналий, предмет которой составят языковые сущности, не получающие адекватного описания в традиционной лингвистической методологии.

Во **II главе «Линейная динамика (космос) ФМ-системы»** ФМ-система получает описание в рамках внутренней и внешней среды ее существования.

В первом разделе «ФМ-система в языке: проблема внутренней системной среды ФМ» определяется способ иерархической упорядоченности элементов ФМ-системы в рамках языковой системы. Основанием описания является примарная мотивированность, а сама система описывается в соответствии (по возможности) с языковыми уровнями. В п. 1.1. системно-структурные особенности ФМ-системы рассмотрены на основе *универсальной классификации ономатопов* С. В. Воронина. В работе предложена *расширенная типология русских ФМ* за счет введения группы ФМ говорения (см. рис. 1).

В рамках звукоподражательной подсистемы исследуются акустические ФМ (***бах, кап-кап, динь-динь, шу-шу, буль-буль*** - 23% всего материала); артикуляторные ФМ (***апчхи, кхе, кхо, ха-ха, тьфу*** - 11,7%); ФМ говорения (***тары-бары, ля-ля-ля, у-у-у*** - 20,6%); слова клича (подзывные) (лексические аттрактанты ***цып-цып, баси-баси, кис-кис***) и отгона (лексические репелленты ***кыш, брысь, кш***) животных (17,1%); подражания голосовым сигналам животных и птиц (***мяу, гав, му-у-у, фьить*** - 9,2%). Во всех выделенных группах рассматривается взаимодействие этимологической и лексической семантики.

Этимологический анализ показывает, что 99,65% ФМ относятся к и.-е. лексическому фонду. 99,94% всех исследуемых ФМ имеют примарную мотивированность. Старшие значения сохраняются неизменными даже в случае утраты ФМ и ее современной реализации лишь в качестве корневой морфемы. Однако это не означает семантической «консервации» ФМ, которые развивают огром-

ное количество ЗС-значений. Так, артикуляторные ФМ обозначают не только физиологические составляющие, но и те сущности, которые включены в наиболее сложные семиотические контексты (семантика смеха, слез, чихания); акустические ФМ формируют более поздние ФМ говорения и звукосимволические ФМ. Безусловным является наличие системы в рамках всех рассмотренных групп ФМ (см. рис.1).

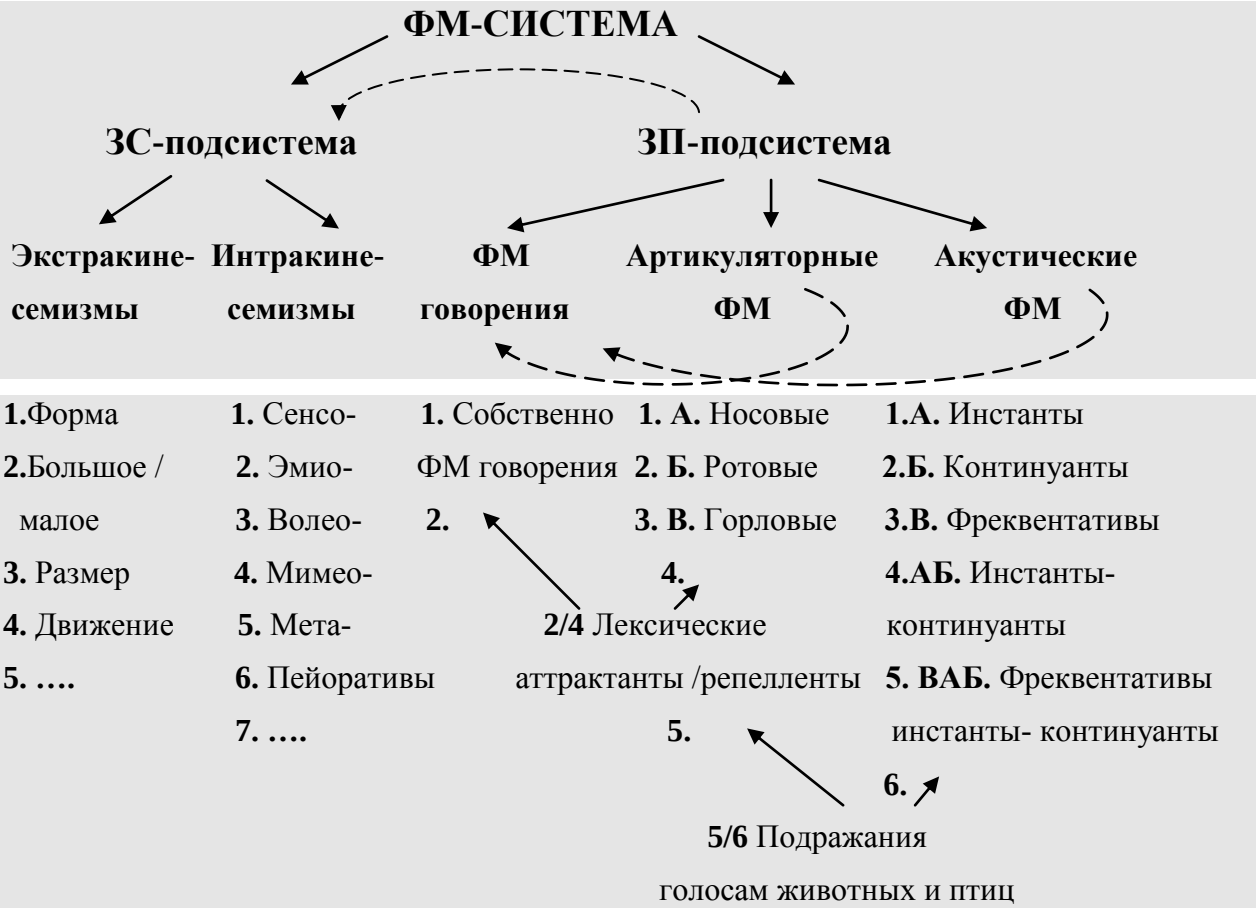

Рисунок 1

Анализ ФМ показал их архаичную коммуникативную природу. Так, фоносфера артикуляторных ФМ лежит на границе биологической и семиотической сфер. С течением времени не происходит активного пополнения данной группы, что отражает неизменность физиологического бытия человека. Сфера артикуляторных ФМ – «тигль человекообразования» (М. Мамардашвили), где происходит переход от физиологического бытия к духовному.

Анализ ФМ говорения показывает, что только 24,4% из них характеризуют акустические, артикуляторные и физиологические параметры говорения, тогда как коммуникативные и функциональные характеристики говорения составляют 75,6%. Наиболее частотны ФМ в репрезентации пения (ср. гипотезы о происхождении речи из пения) - ~ 16 %, «другого» говорения - ~ 36 %, коммуникативно-регулирующих сигналов (призыв, запрет, отклик, вопрос) - ~ 12 %, при этом собственно говорение человека (речь в отрыве от смысла) составляет ~ 11 %. Здесь очевидна архаическая значимость не столько номинативной (интеллекту-

альной), сколько императивной (регулирующей) функции ФМ, которая характерна для проторечи (Б.Поршнев, А. Поцелуевский).

Слова клича и отгона животных и птиц являются в языке исключительно в виде ФМ. Коммуникативные коды в общении человека с животными не эволюционируют, тогда как ФМ, направленные на человеческие коммуникативные системы (акустические, артикуляторные, говорения), претерпевают в своей эволюции существенные изменения. В нашем материале преобладают слова клича и приманки животных (84,3%), которые считаются более ранними по происхождению, тогда как более поздние (отгон и команды) составляют 15,7% всех слов-обращений. Русский материал подтверждает гипотезу о первичности суггестивной (вербально-императивной) функции, которая позднее сменяется коммуникативно-информационной функцией.

В рамках звукосимволической подсистемы исследуются ФМ, ЗС-значение которых - семантическая эволюция ЗП-значением (18,3% всего материала).

В составе звукосимволических ФМ выделяются пять групп широкого семантического спектра: от физического состояния (озноб, дрожь: ***бррр***; боль, физические страдания: ***Ай, ой!*** *– крикнул Лебедкин, ужаленный пчелой в шею.* Д. Мамин-Сибиряк и др.) до интеллектуального и психического состояния/ действия (внезапное воспоминание, обнаружение: ***Ага****, вот, где мы ошиблись, столько дней насмарку;* интеллектуальное бессилие: *Учится в школе-то девка, да, знать-то****, аля-улю,*** *всё, бат, двойки носит.* Костьящер Караг. и др.). Рассматриваются проблемы полиэтимологичности в этимологизации ФМ и демонстрируется развитие большого количества ЗС-значений у ФМ.

В п. 1.2. рассматриваются *грамматические свойства* ФМ, которые составляют базовый корпус таких частей речи как первообразные междометия (***ах, ой, ох, эх, ух***), ЗП (***динь, тук, бом, тресь, трам***), слова-обращения к животным (***кыш, кыс-кыс, брысь***), междометные глаголы (***хлоп, бряк, бабах***).

Морфологическими свойствами ФМ являются *морфологическая аномальность* и *неизменяемость* при *устойчивых типах морфологизации*: эмоционально-оценочная суффиксация (***баюшки, тпрутенька***); следы категория числа у подзывных слов (***баси, маси***); возможность субстантивации (***Ах*** *с эмпиреев, и* ***ох*** *вдоль пахот. И повинись, поэт, что ничего, кроме этих* ***ахов***, ***охов****, у Музы нет.* М. Цветаева; *Что варишь, товарищ? Из* ***охов*** *и* ***ахов*** *уху.* В. Хлебников). ФМ часто являются корневой морфемой слов.

Структурно-фонетическими свойствами ФМ являются *фонетическая гипераномальность* (ср. варианты одной и той же ФМ: ***бам, бом, бум, бэм, бамс, бамц, бацм; тук, тюк, стук, ток, тик, тэк***); *относительное единообразие формы* (изоморфизм звуков речи и акустического денотата); *фонетическая гипервариативность* (ср. метатеза, протетический сонорный, чередование, выпадение элемента или укорачивание корня и пр.), которые не влияют на его ЗИ-значение (чередование различных ступеней гласных в и.-е. корнях **tr-, *ter-, *tir-, *tor-, *tur-* со значением “драть, царапать, резать”, к которым восходят русские ФМ ***тер***, ***тор***, ***троп***, ***тыр, трап, треп***).

В «Словаре морфем русского языка» выделено 228 наиболее продуктивными корней, каждый из которых образует от 370 до 50 слов. Из них 26 корней (11,

4%) являются ФМ, которые образуют 2050 обычных слов, т. е. в среднем по 79 слов каждая. Эти ФМ образуют около 4% слов, зафиксированных в словаре и составляют более 10% от основного (продуктивного) словообразовательного потенциала русских корней.

Словообразовательными свойствами ФМ являются *редупликация* и почти *неограниченный потенциал формирования* обычных лексем путем различных способов морфологизации и семантических трансформаций (этимологическое гнездо слова *время* включает 176 слов, восходящих к ЗИ-корню, сохранившемся в языке как ФМ ***верть***). В «Словаре морфем русского языка» выделены 228 наиболее продуктивных корней, каждый из которых образует от 370 до 50 слов. Из них 26 корней (11, 4%) - ФМ, которые образуют 2050 обычных слов, т. е. в среднем по 79 слов каждая. Эти ФМ образуют около 4% слов, зафиксированных в словаре, и составляют более 10% от основного (продуктивного) словообразовательного фонда русских корней. Слово с редуплицированным компонентом «вырастает» из ФМ (***балаболить, баба, мама, папа, бабахнуть***).

Особое внимание лингвистов со времен М. В. Ломоносова привлекали ФМ типа *бац, хлоп, бряк*, которые отличаются особой синтаксической ролью. Большинство лингвистов подчеркивают глагольность этих единиц, однако и здесь нет единства мнений. А. В. Исаченко определяет их как формы, которые не имеют «никаких специфических глагольных морфологических показателей, абсолютно атемпоральные и лишенные каких бы ни было «видовых» значений». А. В. Бондарко считает, что подобные формы связаны с глагольной лексической аспектуальностью, выражая мгновенно-интенсивный способ действия, которые отличаются темпоральностью, модальностью и персональностью, в совокупности которых находит выражение предикативность предложения. На наш взгляд, полярные точки на природу ФМ связаны с их маргинальным характером.

На уровне ФМ происходит *переход от речевой к языковой единице*. Сначала ФМ функционируют как «звуковые жесты» (вне частей речи), выступают как эквивалент предложения: получают силу высказывания и отличаются самостоятельной интонацией (***Кгм****... Кашель... В горле свербит.* А. Чехов). В качестве ЗП и междометий ФМ функционируют как члены предложения, выступая в качестве их экспрессивных синонимов (***Уа, уа***, - *почти без чувства, как по долгу службы, пищали малютки на одной ноте*. Б. Пастернак; *Чё-то сёдня корова* ***ф-ф-ф, ф-ф-ф****: как-ко неладно дышит*. Усть-Уролка Черд.). Самая высокая степень морфологической «зрелости» у глагольных междометий, для которых функция сказуемого является преимущественной (*Хвостом –* ***верть****!* ***Верть****! Глазами –* ***щурь****!* ***Щурь****!* А. Чехов; *А дверь* ***гили-голи*** *стара дак*. Соколово Вер.).

В п. 1.3. рассматриваются *лексико-семантические свойства* ФМ. Семантические свойства ФМ: *эмоциональная оценка* (***тьфу, фуй, бя***); *образность семантики* (метафоричность, архетипичность, синкретизм); *конкретность семантики* (наличие оттеночных смыслов на уровне синонимии, элемент значения “здесь-и-сейчас”); семантика *простейших психофизиологических процессов*. Специфика значения ФМ - диффузная, расплывчатая, широкозначная семантика. В макрокомпонентной структуре значения обязательный компонент - эмоционально-оценочный, экспрессивный, стилистический и фоносемантиче-

ский, а микрокомпонентная структура включает темпоральную сему «здесь-и-теперь» и экспрессивную сему интенсивности, но не содержит категориальных грамматических сем. В значении ФМ совмещены функция и признак: действие, качества, предмет и эмоция слиты в звуковом комплексе. Так, в частушке (*Мне не надо* ***чики-брики*** *на высоких каблуках, лишь бы личико почище, ничего, что в лопотках*) **чики-брики** – это сама девушка, ее манеры, внешний вид, походка, поведение, моральные устои, характер, а также отношение говорящего к ней.

Синонимические и антонимические отношения в ФМ-системе имеют особый характер. ФМ вступают в синонимические отношения лишь по одному признаку, однако на уровне другого признака их отношения будут являться антонимическими. Так, например, в быличке (*Русский дрался с татарином. Вот татарин опосля и хвастать: уж я русскому дал! Я ево* ***бот*** *да* ***бот****, а он меня* ***чик*** *да* ***чик***) очевидна антонимия по признаку «сильный-слабый [удар]», однако по характеру удара эти ФМ синонимичны - относятся к классу А 1 (инстанты - «сверхкраткий» шум или тон, одинаково воспринимаемый человеческим ухом как акустический удар). В целом можно говорить о том, что синонимия и антонимия ФМ определяются через фоносемантические свойства.

Лексическая эволюция ФМ связана с такими тенденциями системного развития слова (А. А. Поликрапов), как тенденция к *грамматикализации:* часто ФМ переходят в разряд обычных слов (***тук – стук, стучать; динь – динькать; кх-кх – кашлять; апчхи – чихать, чих***); тенденция к *субъективизации значений* слов: эмоционально-оценочные коннотации являются обязательным свойством ФМ; тенденция к *повышению частоты употребления* и *к увеличению числа значений* ФМ с увеличением их возраста; тенденция к *распаду базового словаря язык*а, увеличению вероятности выхода ФМ из системы языка с увеличением периода их существования; тенденции к *омонимизации и деомонимизации* ФМ с увеличением их периода обращаемости в языке, что наиболее отчетливо проявляется в признании за многими первообразными ЗП статуса междометия.

Тенденция к *абстрактивизации значений* ФМ связана с развитием ЗС-значений у ЗП (слова ***время, ворота, ворот, ворошить, вращать, поворот, отворить, веревка, верба, вериги, верста, вертел, вор, воровать*** восходят, как и ФМ ***ВЕРТЬ***, к и.-е. ****uer-***). Тенденция к *реализации регулярных* - синэстетических и логических - направлений установления *ассоциативных связей* между значениями в пределах слова при появлении новых значений ФМ. ФМ имеют устойчивые модели семантического развития (ФМ удара регулярно воспроизводятся на уровне следующих циклов: удар-вода (***ТУК-ТОК***: ***ток*** “место молотьбы” – ***ток*** “течение”, ***поток; токарь*** – ***исток*** “начало реки”; ***ЧИК***: ***чикать*** “резать” - ***чка*** “льдина”); “удар-орган человека” (***БАТ-БОТ: батожить*** “бить” – ***батана*** *диал*. “нога”; ***ЛЯП-ЛОП: лопать*** *диал*. “бить” – ***лепетайло*** *диал*. “язык»; ***лупить*** “бить, сечь” – ***лупетики, лупачье*** *арг*. “глаза”) и др.

ФМ - маргинальный слой между грамматичностью и аграмматичностью, между фиксированным и «размытым» значением. На уровне ФМ прослеживаются законы макро- и микроэволюции истории развития слова.

Во **втором разделе «ФМ-система в фоносфере: проблема внешней системной среды ФМ»** вводится понятие «фоносфера», которая является внешней

средой существования ФМ-системы. ФМ-система - один из вариантов перехода биосферы в семиосферу. ФМ-система получает внешнее (через входы и выходы) описание системы, что дает понимание связей системы со средой. Входы (ресурсы) ФМ-системы представляют собой компоненты (реальные звучания), передаваемые системе из среды. При помощи входов осуществляется влияние среды (фоносферы) на ФМ-систему. Выходы (конечный продукт системы) - компоненты, передаваемые системой окружающей среде (ФМ) и оказывающие влияние на языковую систему или альтернативные формы коммуникации.

В п. 2.1. очерчиваются *границы фоносферы в рамках биосферы и семиосферы*, где условно выделяются два подхода: семиосфера является частью биосферы и семиосфера противопоставлена биосфере не только на уровне типа знака, но и на уровне системы кодирования.

В п. 2.2. звук рассматривается как *универсальный семиотический код,* как один из важнейших кодовых механизмов информационной связи в рамках антропо- и зоосемиотики. Звуковые системы, функционирующие в природном и социальном пространстве, имеют маргинальный (пограничный) характер. Эти звуковые механизмы информационной связи и их составляющие, обеспечивающие коммуникацию как в био-, в социо- и в семиосфере, так и между этими системами, можно определить как фоносферу.

В пп. 2.3. и 2.4. определяется *понятие* и рассматривается *структура фоносферы*. Фоносфера (звукосфера, соносфера) - звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемыми), техническими и культурно-семиотическими звуковыми системами. Фоносфера, возникая на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.). Фоносфера маргинальна, поскольку существует в «просвете», «зазоре» между био- и семиосферой (см. рис.2).

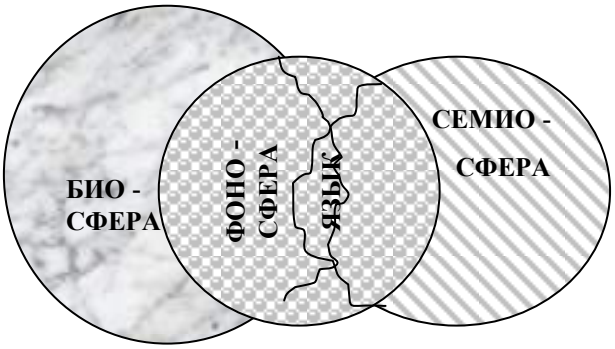

Рисунок 2

Фоносфера человеческой речи (лингвофоносфера) является зоной перехода от биосферы к семиосфере. В рамках фоносферы выделяются биологическая (естественная, природная) и социальная (антропо- и культурноориентированная) фоносферы. Кодовыми механизмами передачи информации в рамках социофоносферы являются искусственно создаваемые знаковые системы, а в рамках биофоносферы - естественные системы звуковых сигналов. Био- и социофоносфера включают не-семиотические структуры – природные и технические шумы.

Как очередной этап семиозиса выделяется собственно семиофоносфера - результат перехода био- и социофоносферы в пространство «другой» семиотики. В рамках семиосферы не-семиотическое пространство социо- и биосферы семиотизируется. На уровне семиосферы происходит фильтрация внешних звуковых сообщений и их семиотизация, т. е. превращение внешних звуковых не-сообщений в сообщения.

Структура биофоносферы**: 1)** натурфоносфера – звуки природных стихий: вода, воздух, огонь, земля **(*у--у-у, гууу, шу-шу, жжж, жу-у-у-у*** «шум ветра, метели»; ***гр-р-р, бабах*** «грозе»); **2)** фитофоносфера – звучания растений (***ш-ш-ш*** «шуршание листьев»; ***хрупы-храпы*** «треск сучьев»); **3)** зоофоносфера – крики и звуки, издаваемые животными и птицами **(*тук-тук*** «дятел»; ***ав, р-р*** «собака»); **4)** антропофоносфера – звуки (кроме речевых), издаваемые человеком **(*клац, дыр-дыр*** «стук зубов»; ***ах, хо, фу*** «дыхание»; ***кхи-пуа, хр-р-р*** «храп»; ***тук, стук, ёк*** «стук сердца»).

Структура социофоносферы**: 1)** музыкофоносфера - музыкальные звуки (***ля-ля, тра-та-та, ду-ду***); **2)** сигналофоносфера - специальные звуковые системы – азбука Морзе, сигналы технических средств и пр. (***ту-ту, пи-пи***); **3)** технофоносфера - технические шумы и звучания (***тыр-тыр, дыр-дыр, тр-р-р*** «двигатель»; ***у-у-у*** «самолет»; ***рузы-разы*** «комбайн»).

Все выделенные фоносферы являют собою диффузные структуры: очевиден их маргинальный характер. Так, зоо- и антропофоносфера практически совпадают, отличаясь лишь источником звука (человек-животное); возможно наложение натур- и фитофоносферы на зоо- и антропофоносферу при взаимодействии и пр. Частично совпадают сигнало- и музыкофоносфера с натур-, фито- и зоофоносферой, что очевидно, например, в рамках медитативной музыки или экологического джаза, в сигналах сотовых телефонов, говорящих игрушках и пр. В рамках социофоносферы с определенными оговорками можно выделить лингвофоносферу (звуки говорения), однако более органична для нее зона между био- и семиосферой.

В семиофоносфере происходит интерпретация звуковых сигналов и шумов и «встраивание» их в контекст культурно-исторического пространства: хаотично звучащий мир, лежащий за границами семиофоносферы, семиотизируется. Лингвофоносфера является маргинальной семиотической структурой, которая лежит на границе перехода био- и социофоносферы в семиофоносферу. В работе предлагается модель семиотизации природного звучания с опорой на типологию Ю. С. Степанова, который выделяет основные типы знаковых систем по степени нарастания их семиотических свойств. Рассматривается процесс семиотизации ФМ: как лингвистического знака - от биологически мотивированной фонации (***а-а-а*** «стон, крик, плач») до языковых ментальных знаков (в составе фразеологизмов ***от а до я, от аза до ижицы***, слова ***авось***); как культурного знака - от сакральных (ранних) и профанных (поздних) символических смыслов. На примере одной ФМ прослеживается процесс семиозиса языкового знака: биосфера - биологический звук (знак-сигнал, знак-симптом); лингво**фоно**сфера (ЗИ-подсистема ЗИС языка) речевой знак (знак-икона, знак-индекс); лингво**семио**-

сфера - языковой знак, графема, фразеологический знак (знак-символ); семиосфера - культурный знак (символ символов).

В п. 2.5. устанавливается *место ФМ-системы в «зазоре» между био- и семиофоносферой*. ФМ - универсальная интерпретанта и средство номинации и репрезентации всех составляющих биофоносферы. Натур- и фитофоносфера репрезентированы в языке акустическими ФМ, зоо- и антропофоносфера – артикуляторными ФМ.

В пп. 2.5.1. рассматривается *роль натур- и фитофоносферы в становлении человеческой речи.* Природный звук связан с происхождением человеческой речи как в рамках логосических, так и эволюционных теорий происхождений языка. Человеческая речь в устной и письменной формах артикулировалась древними через понятия природного мира, в том числе и естественных природных звучаний. Сравнительный анализ семантики корней русских ФМ говорения показывает, что старшие значения фиксируют большее разнообразие естественных звуков, лежащих в основе номинации говорения. 61% и.-е. и 59% о.-с. корней имеют старшие значения «естественный звук, издавать естественный звук». Более поздние эпохи (общевосточнославянская и собственно русская лексика) показывают, что речь человека уже осознана им (единичное возникновение корней), а звучания природы и крики животных отступают на второй план по отношению к голосу человека.

Не менее значимым является осмысление природного в интерпретации письменной речи. Так, фиксируется этимологическая связь понятия «буква» с естественным звуком: в и-е. **bha-* «говорить» с **bhu-* «ветер, шквал»; в др-англ. *runa* «буква, письмо» с *hropan* «издавать звук»; греч. *γραμμα* «буква» - с др.-англ. *cèarm* «издавать звук», латыш. *Bburst* «буква» - с англ. *breathe* «дышать»; лат. *littera* «буква» - с исл. *leiði* «ветер».

В пп. 2.5.2. определяется *роль зоофоносфера (язык животных) в становлении лингвофоносферы*. Отличием языка человека от языка животных является наличие в последнем биологической функций, которая характерна и для ФМ. Подзывные и отгонные слова и подражания голосам животных и птиц, которые все исследователи рассматривают как исторически ранние, сохраняются в языке как застывшие формы и являются исключительно в виде ФМ. Следовательно, можно предполагать древнюю природу других ФМ.

Исследуя подзывные и отгонные слова, А. П. Поцелуевский заключает: древнейшим типом звуковой речи являлось «слово-монолит», недифференцированное ни в семантическом, ни в формальном отношении и неразложимое на отдельные элементы. В содержании слов-монолитов нельзя обнаружить элементов логического суждения. Основное назначение этих слов - сообщение потребности, воли или желания другому. Номинально-номинативная функция слова-монолита явилась позднейшей надстройкой над его первоначальной вербально-императивной функцией. Б. Ф. Поршнев также рассматривает речь как важнейший регулятор человеческого поведения, детерминанту на пути преобразования предчеловеческих уровней жизнедеятельности в человеческие. Психофизиологический коррелят такой регуляции - вторая сигнальная система. Второсигнальное взаимодействие людей складывается из двух главных уровней и в свою

очередь делится на первичную фазу - интердиктивную и вторичную - суггестивную. Очевидно, что в разработке вопросов филогенеза речи одним из материальных свидетельств (наряду с материалами детской речи) являются лексические аттрактанты и репелленты.

В процессе семиозиса ФМ как «слово-монолит» выполняет «первичную» функцию суггестии и являют собою аффективные, волевые и объективно-указательные импульсы, не дифференцированные по значению; затем выражаются отдельно аффективные и волевые проявления, а позднее ФМ приобретают объективно-указательный характер. В современной синхронии ФМ «аккумулируют» весь комплекс этих нерасчлененных значений «эволюционных» смыслов, а также отражают систему и принципы их дальнейшего «расчленения».

В пп. 2.5.3. рассматривается *значение биофоносферы (через ФМ) в становлении семиофоносферы*. Биофоносфера находит свое семиотическое выражение не только в лингвофоносфере, но и других семиотических системах, связанных с акустическими кодами. Показательным здесь является становление музыкофоносферы и других семиосфер. Функционирование ФМ тесно связано с игровым, ритуальным, сакральным, мистерийным пространством, где существенную роль играют зоо-, орнито- и фитоморфные символы. Большинство ФМ при функционировании в речи сопровождаются интонационным, мимическим или жестовым компонентом. Русские ФМ широко отражают семантику пения, которое представлено в материале в том же объеме, что и говорение человека. «Для генезиса музыкального фольклора имитации звуков сыграли гораздо более существенную роль, чем ЗП для формирования языка (Е. С. Новик).

Далее определяется *позиция ФМ в фоносфере*. ФМ являют собою отражение фоносферы (см. рис. 3) в рамках естественного языка (лингвофоносферы), где репрезентируют биологическую (подражания голосам животных и птиц, акустические и артикуляторные ФМ), социальную (акустические ФМ) и семиотическую (ЗС-слова) фоносферы. ФМ-система (через подражание и рефлекторные звуки) заполняет «зазор», «просвет» между биологическими звучаниями и семиотическими звуковыми системами.

Фоносфера является системной средой для ФМ-системы и формирует лингвофоносферу ФМ. Элементы фоносферы являют собою ресурсы ФМ-системы, где в процессе взаимодействия ФМ-система отражает свойства фоносферы на лингвистическом уровне. Свойство отражения как способность материальных систем в процессе взаимодействия запечатлевать в своей структуре следы воздействия других систем обусловливает ФС-принципы непроизвольности, детерминизма и отражения ФМ как языкового знака.

ФМ-систему необходимо рассматривать и в системе фоносферы, и в системе языка, поскольку импульс к изменению может генерироваться как внутри системы, так и вызываться внешними факторами (см. рис. 4).

Одним из главных *системообразующих факторов ФМ-системы является функция преобразования биологического звукового пространством в семиотические звуковые системы*. В фоносфере генерируются новые звучания, которые являются внешними факторами для изменения ФМ-системы: компоненты ФМ-системы пополняются за счет среды (фоносферы).

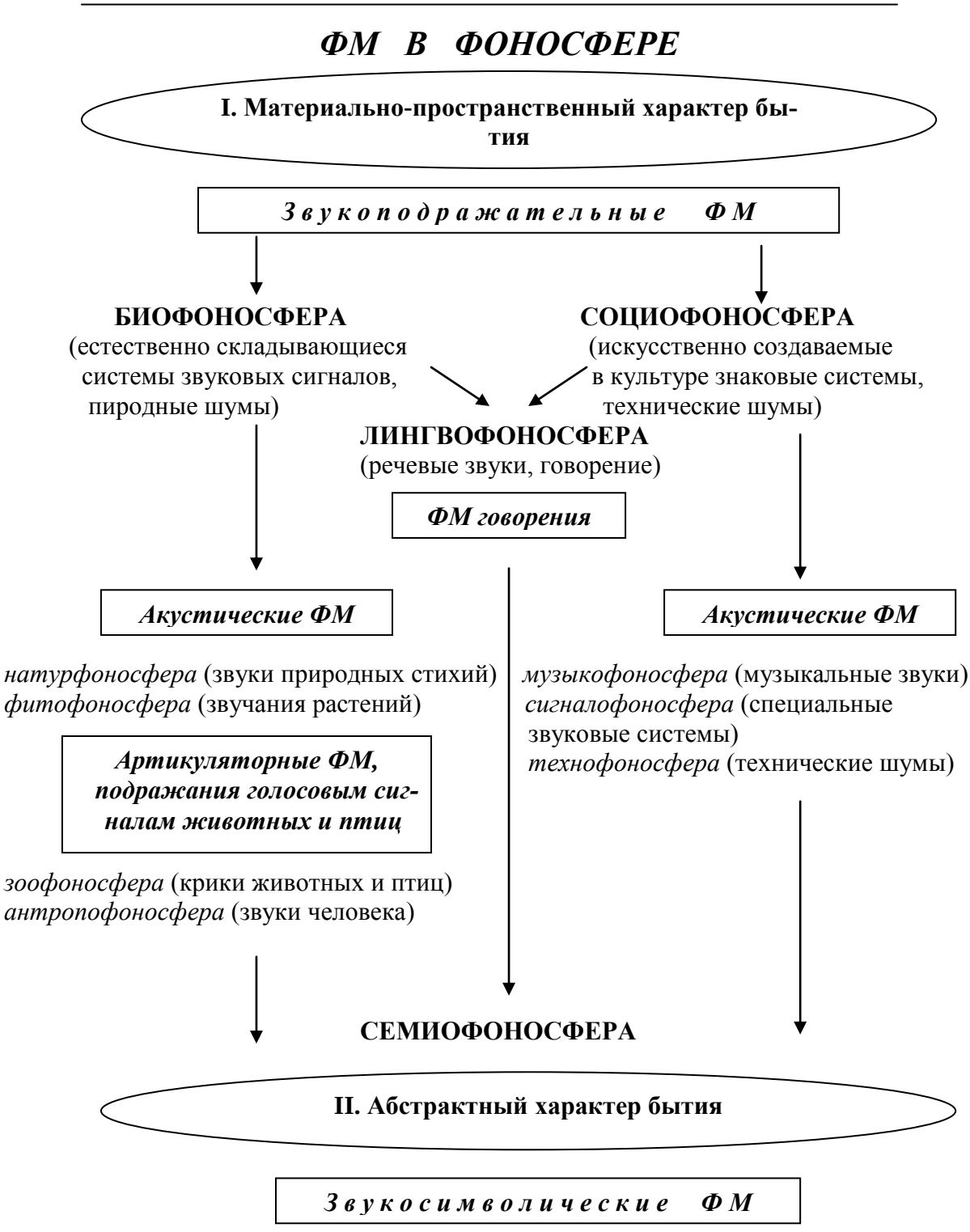

Рисунок 3

Универсальным средством репрезентации всех составляющих биофоносферы являются ФМ, которые формируют коммуникативные коды, лежащие на границе между био- и семиофоносферой. ФМ-системы являют собою зону перехода от полуживотной проторечи к человеческому языку, предел животной (не-человеческой) коммуникации и начало человека, переход от био- к семиокоммуникациям. На основе биофоносферы через ФМ-системы, формируются не только лингвистические, но и другие семиотические коды, прежде всего

обрядово-фольклорные (см. рис. 4). ФМ сохраняются как реликтовые образования в магическом, детском, бытовом фольклоре.

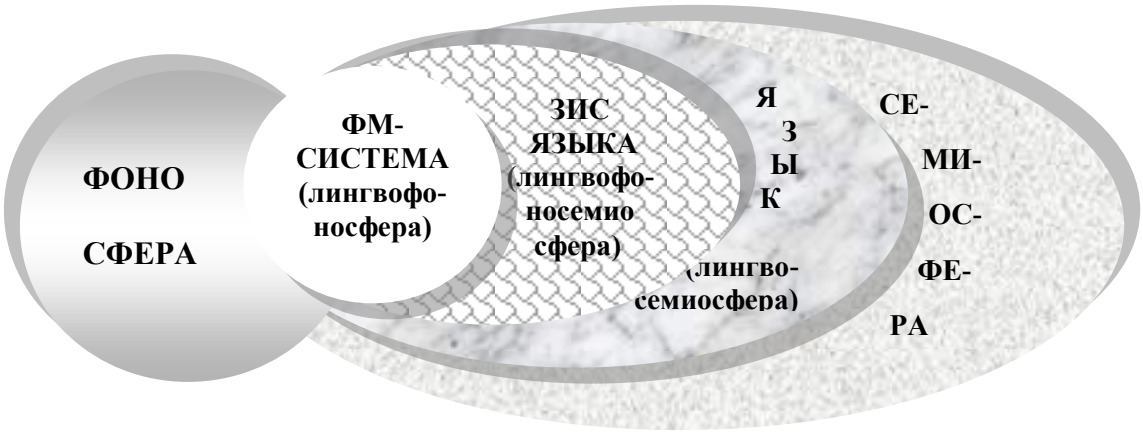

Рисунок 4

Формирование ФМ-системы в динамике (онтогенез и филогенез) происходит в ходе эволюционного отбора и закрепления в типовых условиях оптимальных языковых средств, в том числе и ФМ. ФМ способствуют формированию протоязыковой системы. Если согласиться с тем, что ФМ - один из древнейших языковых слоев, то следует признать, что ономатопоэтическая теория происхождения языка заслуживает более пристального внимания. *ФМ-система является основой ЗИС языка*, которая в свою очередь (согласно ономатопоэтической концепции языка) образует протооснову языка в целом, а последний - один из многочисленных кодов человеческой коммуникации (см. рис.4).

Выводы по II главе. Системный анализ линейной динамики ФМ-системы установил: **1)** *качественную определенность системы* как подсистемы в рамках ЗИС языка. Идентифицирующее свойство ФМ-системы - примарная мотивированность ее единиц, которые формируют в языке подсистему мотивированных языковых знаков; **2)** *тип системы* как маргинальной подсистемы в рамках ЗИС подсистемы языка и языка в целом; **3)** главный *системообразующий фактор* - безусловная примарная мотивированность. В ФМ-системе наблюдается нейтрализация ЗИ-закона относительной денатурализации языкового знака; **4)** *среду* ФМ-системы - фоносфера (внешняя среда) и собственно языковая система (внутренняя среда), которые передают ФМ-системе формирующие ее компоненты; **5)** *структуру* ФМ-системы как иерархическую упорядоченность элементов: **а)** выделяются компоненты (артикуляторные, акустические ФМ и ФМ говорения), которые являют собою подсистемы в рамках ФМ-системы. Под элементами ФМ-системы понимаются собственно ФМ. Это отражает оформленность системы как конфигурированной определенности облика в соответствии с принципами знаковой организации естественного языка; **б)** изучена структура подсистем на уровне ФС-типологии ФМ, что указывает на дифференцированность (выделенность и конституированность) составных частей, в том числе на уровне ФС-законов (С.В.Воронин). ФМ-система обладает собственными элементами, включенными в иерархические связи.

ФМ-система удовлетворяет всем признакам системной сущности объекта, в том числе таких, как наличие эволюционного потенциала (колебания фоносфе-

ры, воздействующие на ФМ-систему); закономерность или подчиненность внутренней мере как организационному и динамическому принципу (примарная мотивированность ФМ); познаваемость как рациональная экспликация имманентной «меры» (через законы и принципы фоносемантики); предсказуемость, допускающая моделирование возможных будущих состояний ФМ-космоса (универсальный характер ФМ, которые возникают в любом языке в соответствии с ФС-принципом детерминизма).

ФМ-система в современной синхронии - второстепенный, побочный фактор развития языка, поскольку уже пройдена натуральная стадия развития языка; состояние языка независимо от колебаний нижележащих уровней бытия - ФМ-системы в современной синхронии. Однако развитие ФМ-систем линейно, поступательно, безальтернативно в контексте ФС-закона о примарной мотивированности языкового знака в начале его семиозиса; в процессе семиозиса в диахронии знак связан жесткими причинно-следственными связями, обусловленными ФС-принципом детерминизма.

В **III главе «Нелинейная динамика (хаос) ФМ-системы»** представлено описание возможных вариантов изменений ФМ-системы. Как один из вариантов ФМ-системы рассматривается ее существование в рамках «другой» речи.

В **первом разделе «ФМ-система в «другой» речи: порядок из хаоса»** функциональной спецификой ФМ-системы обусловливается необходимость обоснования понятия «другая» речь, которая рассматривается: в современной синхронии как маргинальная (альтернативная) форма существования языка; в рамках функционального двуязычия в оппозиции «язык» и «другой» язык; как подсистема языка в целом.

Во **втором разделе «Определение «другой» речи»** предпринята попытка осмысления «другой» речи. В п. 2.1. предлагается *дефиниция «другой» речи,* под которой понимается особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом, который, однако, порождает сложный внутренний порядок. Это естественный человеческий коммуникативный код; реальная и в определенной мере стабильная знаковая система, используемая в некоторых социуме, времени и пространстве, первичной субстанцией которой является звуковая (акустическая) материя, однако звуковые проявления «другой» речи шире инвентаря фонем. Доминантной формой «другой» речи является заумь.

В п. 2.2. выделены *виды и формы «другой» речи* как маргинальные подсистемы, которые не только «расплываются» в «зазоре», «просвете» между доминантными и маргинальными подсистемами, но и в «зазорах» между собственно маргинальными формами речи.

По *сфере функционирования* выделяются религиозно-магическая, поэтическая (литературная) и фольклорная заумь. На *прагматическом уровне* – практическая (условно-профессиональные языки ремесленников и торговцев-отходников, «практический» язык нищих, реликты в воровском арго, детские тайные языки), поэтическая (литература и фольклор) и магическая (магический, медитативный, религиозный дискурс) заумь. С учетом *определенной нормы*

состояния сознания - контролируемая и неконтролируемая заумь. В *коммуникативных системах* «другая» речь лежит на грани между идиоэтнической и универсальной, человеческой и нечеловеческой коммуникациями. С точки зрения *«деформации» естественного языка* выделяется фонетическая заумь («полная бессмыслица»), наряду с морфологической (актуализация латентных словообразовательных моделей), семантической (смысловая запутанность фразы) и синтаксической (пропуск частей предложения, своеобразное расположение, несогласованность и пр.) заумью.

В п. 2.3. заумь определяется как доминанта «другой» речи. В п.2.4. выделены *константные составляющие русской зауми.* Все составляющие заумной речи лежат в ЗИ-сфере. ФМ являются одной из составляющих заумной речи. В рамках ЗП-подсистемы выделяются артикуляторные ФМ или звукокомплексы (стоны, смех, плач, крики, кряхтение, истерический метеоризм, отрыжка, судорога, дрожь); подражания голосам животных и птиц (лай, ржанье, крик кукушки или петуха, мяуканье); акустические ФМ (обычно ономатопы удара) или «звуковые» жесты (хлопки, удары, шлёпанье). В рамках ЗС-подсистемы - глоссолалии, языкоговорение, «иностранная» речь, которые обычно являются искаженным родным языком говорящего. Непременной составляющей любого вида зауми являются жестовые компоненты.

Ср. артикуляторные ФМ: в заговорах (*Сосну-берёзу с корнем съем:* ***хам! хам! хам****!; Моё слово крепко****: тьфу! тьфу! тьфу***!; ***Ай*** *жиу дубу,* ***ай*** *жиу* ***жу*** *буду;* ***Тьфу-тьфу-тьфу*** *три раза, не моя зараза*); в считалках (*Аз-бас-трибабас* ***ух***); в поэтической речи (*Николай Григорич:* ***Гыр-гыр****. А я ему: Ити-протити.* Д. Хармс; ***Э-э! Ы-ым****, - весь в поту – грубая фактура*; *Клирун балуйя: «****Ай****!». Бледному месяцу: «****Ай****!».* В. Хлебников.).

Акустические ФМ: в песнях ведьм (*Шиха, эхан, рова!* ***Чух, чух****! Крыда, эхан, сцоха!* ***Чух, чух, чух****! Гутц! Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон* ***тики-так***); в глоссолалиях хлыстов (***Тень-тень****-потетень! Выше города плетень!*); в экстатической речи юродивых (***Тыра-тыра****-перетыра ты марушья заколдыра*); в считалках (***Ден-ден****-доли,* ***Ден-ден****-доли-доли, Джими, джими, ягус; Эне, бене, Лики, паки, Цуль,* ***буль-буль****; Эни, бени, рики, паки,* ***Буль-буль-буль****, каляки, шмаки, Эус, бэус, космобэус,* ***Бац****!*); в заговорах (*Мако! Фаль!* ***Буль****-ко! Сакеста!*); в загадках (*Четыре* ***стук-стук-стук****, а пятый шняф-шняф-шняф* (корова); в поэтической речи (*А я ему: Ити-протити. А он снова: Утопни!* ***Буль****!* ***Бум*** *по столу!* ***Бум! Бум****!* Д. Хармс; ***Гзи-гзи-гзэо*** *пелась цепь.* В. Хлебников).

Подражания голосам животных и птиц: в песнях ведьм (***Мяу****! згин, згин! Гааш! згин, згин!* ***У-у-у****! згин, згин!* ***Бя - бая****! - згин, згин!* ***Кво - кво****! згин, згин!*); в заговорах (*Тень-тень,* ***чирик-чок***); в поэтической речи (*Бум-бум, чик-чик,* ***мяу-мяу*** *скачет лошадь и мужик.* Д. Хармс; *Овсянка:* ***Кри-ти-ти-ти-ти!*** *Дубровик:* ***Вьюр-вэр-виру, сьек, сьек, сьек, сьек!*** В. Хлебников).

В **третьем разделе «Свойства «другой» речи»** заумь рассматривается как маргинальная зона перехода из контролируемого в неконтролируемое, из лингвистичного в алингвистичное, из человеческого в нечеловеческое, из нормального в патологическое.

В п. 3.1. рассматривается *норма / отклонение от нормы* в зауми. Заумь обычно понимается как отклонение от нормы (патология, психическая болезнь), однако в последнее время в психиатрии более актуальной является оппозиция обычное / измененное состояние сознания. Она применима не только к психическим расстройствам, но и к любым состояния, провоцируемые физиологическими, психологическими и фармакологическими агентами, которые отличаются субъектом (или при объективном наблюдении) от ясного сознания (Э. Саракаева). Так, типы и основные мотивы бреда хорошо коррелируют с религиозно-магическим и поэтическим дискурсом: речевое поведение глоссолалиста (мессия, пророк, юродивый и пр.) укладывается в рамки бредового синдрома (В. Куперман, И. Зислин).

В зависимости от степени «деформации» нормы выделяется несколько типов образований, в которых функционируют ФМ: **1)** вытеснение доминантной языковой структуры на периферию (поэтическая заумь, глоссолалии);

2) существование ФМ-систем на периферии доминантных структур (ФМ в разговорном пространстве; поэтическая речь). Ср. рифмованные повторы-«отзвучия» (***культур-мультур, штучки-дрючки***) и другие виды языковой игры (*Кости* ***бряк-бряк****, уши* ***шлеп-шлеп****, песок сзади* ***ш-ш-ш-ш*** (о старости); ***Тыр-пыр*** *восемь дыр;* ***Трали-вали,*** *кошки драли; Трактор в поле* ***тыр-тыр-тыр****, все мы боремся за мир*), а также функционирование ФМ в анекдотах (*Два одессита едут по Москве мимо здания КГБ на Лубянке. Один тяжело вздыхает: «****О-о-о...»****. Второй раздраженно перебивает: «И вы мне еще рассказываете?»*);

3) паритетное существование с доминантной языковой структурой (религиозно-магическая, фольклорная, поэтическая заумь). Ср. в идиостилях Д. Хармса, В. Хлебникова, Д. Бурлюка, В. Крученых и др.; в заговорах, в загадках, где обнаруживаются и обычно структурированные, и типично заумные тексты;

4) инвертирование доминантной языковой структуры и / или отрицание ее (измененное сознание, обэриутская заумь, фольклор). Ср. *Тыхтым-бахтым выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); *Бахтын-кухтын назиргин-валинтын* (песня при похоронах ведьм); *Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); *Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм). Инвертирование доминантной формы языка рассматривается на материале палиндрома, который понимается как знак эзотерической сферы культуры.

В п. 3.2. исследуется *контролируемое / неконтролируемое* в зауми. Заумь в религиозном дискурсе - не всегда бессознательная деятельность: глоссолалии могут продуцироваться по желанию глоссолалиста (F. Goodman, Г. Хазел, Н. Порублев, Э. Саракаева). Здесь, вероятно, следует говорить о переходной зоне между состоянием обычного и измененного сознания. С некоторыми оговорками это положение относится к психопатологическому и поэтическому дискурсу (В. Руднев, В. Белянин). Общеизвестна лингвистическая (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. О. Якобсон, Е. Д. Поливанов) и художественная (А. Крученых, Д. Хармс, В. Хлебников, А. Туфанов) экспериментальная заумь.

В п. 3.3. ставится акцент на *универсальное / идиоэтническое* в зауми. Универсальность «другой» речи обнаруживается в том, например, что глоссолалия есть феномен человеческий, не ограниченный ни рамками христианства, ни

рамками религиозного поведения. Схожие явления обычны для состояний интенсивного высвобождения эмоций. Религиозно инспирированная речь по основным характеристикам изоморфна речи религиозно неинспирированной. Сегментная структур (звуки, слоги, фразы) и супрасегментные элементы (ритм, ударения, интонация) глоссолалий надлингвистически и надкультурно идентичны (F. Goodman). Однако психиатры, психолингвисты и культурологи единодушны в том, что любая заумь является актуализацией языковой и культурной доминанты (А. Панченко, И. Зислин, С. Цейтлин).

На фоносемантическом уровне выделяются общие ЗИ-модели (например, фреквентативы): глоссолалии (*Капиласта ган**дря** **Дар**аната шан**тра** Сун**кара** **пур**уша Моя дева Луша*); детские тайные языки (***шварк**а* “швабра”; ***тыры-пыры*** “туда-сюда”); песни ведьм (*о**хро**мея вызывон, **тар**андац даголданц экимозко **пор**огозды*); считалки (*Анка-**дар**нка **дру-едру** четар-фаер фу е **фру; Обар,** бобас за**бор,** зи**, о**бар бобар кур***).

Структурирование большинства заумных единиц, в том числе и ФМ, подчиняется редупликации, эхо-конструкции с неполными или вариативными частями этого «эха-отзвука». Имплицитно это выражено в редупликации и других видах повтора, которые прежде всего являются показателем семантического варьирования единицы. Эхо-принцип характерен для ранних эпох развития языка, детской речи, языковой патологии и устной традиции, особенно при отсутствии альтернативного письменного варианта. Эхо - архаичный способ сознания мира – его «удвоения», «зеркальности». Типичным также является построение заумной единицы по принципу «удаляющегося» эха, где звучание редуцируется по мере удаления звука. «Удаление» эха часто оказывается инверсированным, т. е. звучание фиксирует обратный порядок («зеркальность»). Ср. заговоры: ***турба-урба, сива-ива, шуга-юга***; считалки: ***цум-цум-цумаке, ики-фики, эна-бена, тень-тень-потетень, обар-бобар, асик-масик, акэтэ-пакэтэ, абуль-фабуль, аз-бас-трибабас;*** загадки: ***тулики-батулики, тень-тень-потетень***; экстатическая речь юродивых: ***тыра-тыра-перетыра, фигниташка-шак-ша, тень-тень-потетень;*** камлания шаманов: ***котеро-теро***; художественная речь: *Я **встречаю-чаю-аю**, А кого не знаю. **Замер-замерзаю** Никого уже не знаю – **Аю-засыпаю; Головою-вою-ою** Во **сугробы-гробы** С непорочною женою Смертью молодою* (Т. Кибиров).

Звуковая структура заумных текстов идентична классическим звуковым повторам, выделенных в фонике: **1)** анафора: ***Гоп**о **гоп гоп**опей*** (А. Крученых); ***Фут**ка, да **фат**ка, **фут**унди, **фут**ундак, да **фут**еницы* (загадка - шубка да шапка, зипун, кушак да рукавицы); ***Шоно**, пинца, пинца, дынза! **Шоно**, чиходам, викгаза, мейда!* (песня ведьм); ***Ну кре**ндо **ну** фули **кре**сто*** (глоссолалии); **2)** эпифора: *В грез**огах**-сон**огах** Почил я, почил у черты. В мечт**огах**-думн**огах** Почил у мечты* (В. Хлебников); *Пусть гопо**чичь**, пусть хохот**чичь*** (А. Крученых); *Вихада, ксара, **гуятун, гуятун**. Лиффа, пррадда, **гуятун, гуятун*** (песня ведьм); *Сункара пур**уша** Моя дева Л**уша*** (глоссолалии); **3)** кольцо: ***Сноу** шайле шуут шипиш **Сноу*** (А. Туфанов); ***Гутц**! Алегремост! Астарот, бегемот! Аскафат, сабатан! Тенемос! **Гутц**!* (песня ведьм); ***Фигион**-фигон, фигонта-бегинта, маринта **фигон**та*** (заговор); **4)** стык: *и **а о о а о а** е е и о я* (А.

Крученых); ***Захива**, ванилши, схабатай, **янаха**. **Захива**, гиряй, гиряй, добила, **янаха**. **Захива**, вилхомай, вилхомай, **янаха*** (песня ведьм).

В п. 3.4. «другая» речь исследуется в контексте *лингвистического / алингвистического*. Так, в глоссолалиях отсутствуют базовые структуры человеческого языка как системы когерентных коммуникаций (Г. Хазел; W. Samarin). Однако все исследователи указывают на ту или иную степень координации зауми с родным языком носителя: фонологическое подобие языку без последовательной синтагматической структуры; форма псевдоязыка, имеющего характер повторного произношения слогов, где выделяются макросегменты (похожие на предложения) и микросегменты (напоминающие слова и звуки) и проявляется определенный порядок ударений и интонаций (W. Samarin; Н. Порублев; Э. Саракаева). Указывается на корреляцию глоссолалии и внутренней, детской и патологических форм речи. Исследователи поэтической зауми рассматривают ее как полноценный языковой феномен (Е. Поливанов, В. Григорьев, С. Черняков). Заумь - либо говорение на одном из известных древних или современных языков (мистическое говорение), либо «новая», нарождающаяся форма речи (поэтическая и детская речь). Однако в любом случае это в той или иной степени либо «деформированный» язык, где разрушение не касается фонетического уровня, либо «утраченные» формы. В «другой» речи актуализирована языковая периферия во всех ее проявлениях.

На фонетическом уровне выявляется чёткая ритмизация, обилие аллитераций, «экзотичность» звучания, которая связана с актуализацией периферийных звуков и звукосочетаний (*х, ф, ч, ш, щ, дз, дж, ё*). Ср. в языке: пейоративы (*фур, шешка, шивера, жаба, харя, хрен, чемер*), инвективы (*ёк-макарёк, ё-карныбабай, бляха-муха, ё-ка-ла-боб, якуня-ваня, едри твой в кандибобер, елёха-воха, ёксель-поксель, якара-мара*) и многие ФМ (***хухры-мухры, джурум-джурум, дзысь, дзирк, шушки-пашки, алямс-тралямс***). Ср. также частотность «ф» в заумных словах Д. Хармса: *мяфа, фоифари, магофари, пиф, паф, пуф*.

Здесь же определяются типичные приемы построения единиц зауми: **1)** редупликация фрагмента или целой единицы. Ср. редупликация как непременное свойство ФМ; **2)** замена звука, чаще начального (считалки: *Тыра-Быра, Тули-Мули, бИткен-бАткен;* заговоры, загадки, песни ведьм: *Шалда-Балда, Дендра-Пендра;* глоссолалии*: Насонтос-Лесонтос, Пята-Лата, Чигирики-Мигирики*; художественная речь: «***Гож Нож!**» - клич боевой. Теперь ты неживой… Это шествуют **творяне**, заменивши Д на Т; К **богу-могу** эту кулук! **Девы-мевы, руки-муки косы-мосы**, очи-мочи* (В. Хлебников). Ср. ФМ: ***фу – ху - пу*** «о дыхании»; **3)** вставка звука в середину слова: условные языки: *шестерка - шеПЕстерка* «игральная карта», *леВто* «лето», *эЗто* «это», *белУСый* «белый», *жиВЯшить* «жить»; глоссолалии: *даранта - даранАта*; загадка: *пендРа - пенда*; заговор: *прижим - приПИжим*; песни ведьм: *сито-сиСто, згин-згОЛин*; считалка: *дыкинь-дыТкинь*. Ср. в ФМ: ***фить - фЬЮить, динь - дЗинь, бяк - бРяк, бах – баБАх;*** **4)** перестановка звуков или слогов по типу метатезы: условные языки: *жон – нож*; воровское арго: *лубитка – бутылка*; заговор, загадка: *эно - онэ*; песни ведьм: *рандо – ондар;* условные языки, воровское арго: *векчело – человек;* воровское арго, язык нищих: *таскан – канста – стакан*; язык нищих: *ритыб –*

бриты; заговор: *жиу на* ***дубу*** *жиу на* ***буду***; глоссолалии: *савишраи - висашраи*; песни ведьм: *пасикуя – сикуяп*. Ср. в ФМ: ***ау – уа, ах – ха, ох – хо; шалды-балды – балды-шалды; балды-колды – колды-балды.*** Ср. у В. Хлебникова: ***Солов*** зов, воз ***волос; Горд*** дох, ход ***дрог; Зол,*** гол лог ***лоз;*** 5) отсечение звуков в начале слова («зеркальное» стяжение) или протеза: арго: *тушка - катушка, пак – пакет*; язык нищих: *руг – друг;* заговор: *почур – чур - чур*; песни ведьм: *спин – пин - пин;* загадка: *таф – таф - та*; считалки: *ситом – литом - подпалитом, коська - куковоська, Анка - дранка, дерандры - андры, дру - едру*. Ср. *Укс, кукс; очи-мочи* (В. Хлебников). Ср. в ФМ: ***апчхи – чхи, стук – тук, тьфу - фу.***

На лексическом и квази-лексическом уровне - внешне заумные единицы восходят к одному источнику заимствований (ср. счёт: песни ведьм - ***одион, другиан, тройчан, подон***, считалки - ***одион, другион, тройчан, четверак***, заговоры - ***одионо, другион, тройчан, четверно***). Как заумь в речи могут восприниматься диалектизмы. Ср. загадка: *Возьми* ***цупызник*** *да* ***уцупызни*** *его* (котел и ухват). *Цупызник* – новгор. «ведро из бересты»; пермская диалектная речь: ***Глико потка*** *на* ***лывину паздернулась*** (Смотри-ка, птица в большую лужу уселась, взгромоздилась). Чаще в качестве зауми воспринимаются заимствования. Ср. в русской зауми: **тюркские**: воровское арго: *шабалда* «бродяга, бомж», *ек* «нет»; язык нищих: *шоно* «год», *ек* «нет»; **английские**: считалка: ***Ван, ту,*** *фалосо, фало, много стена вышел воно*; язык нищих: *ю* «ты», *файфер* «5 рублей»; загадка: ***Мазер*** *боле,* ***фазер*** *болен,* ***Бэбик*** *всем доволен*; **немецкие**: загадка: ***Арбай, арбай,*** *а он торбой* (жнец); считалка: ***Эйн, цвей, дрей, Айны, цвейнцы,*** *тризы*. Ср. в языке нищих: *Балость* (греч.) *сумак* (цыг.) *обайровать* (тюрк.) «утром собирается в дорогу»; у суздальских коробейников *Кетрус* (греч.) *па* (фр.) *ловак* (венг.) «камень на дороге»; у киевских странников *Кетрус* (греч.) *за воротник* «камень в голову». Имена собственные также могут восприниматься как заумные. Ср. заговор: *Пошли ко мне на помощь рабу своему часть бесов и дьяволов:* ***Зеследер, Пореастон, Коржан, Ардун, Купал олака*** (табуированные имена)*;* считалка: *На златом крыльце сидели: Мишки* ***Гамми****, Том и* ***Джерри, Скрудж Мак-Дак*** *и три утенка, Выходи, ты будешь* ***Понка*** (имена персонажей мультфильмов); поэзия В. Хлебникова: *Где Юнона и* ***Цинтекуатль*** *Смотрят* ***Корреджио*** *И восхищены* ***Мурилльо****; Где* ***Ункулункулу*** *и Тор Играют мирно в шахматы, Облокотясь на руку, И* ***Хоккусаем*** *восхищена* ***Астарта*** (мексиканские, сирийские, зулусские, скандинавские боги, имена художников).

На морфологическом уровне - общие «аффиксы» (глоссолалии: *насонт****ас****, госонт****ас****; пал****яга****, волендр****яга*****;** загадки: *вынд****ас****, конд****ас****; вихул****яга*****;** заговоры: *муч****ас****, лампа****с****; зодол****яга*****;** песни ведьм: *тынд****ас****, рынд****ас****; дыр****ага****, вызол****яга*****;** считалки: *ранд****ас****, двандас; мат****ага****, тунд****ага***). В языке суффиксы ***–яг(а)-, -аг(а)-, -ас-*** являются малопродуктивными (*штормяга, деляга, молодчага, выкрутасы*).

В п. 3.5. рассматривается *бессмысленное / осмысленное* в зауми. Исследуемые формы речи лежат на границе осмысленного и бессмысленного, понимаемого и решительно невозможного для понимания, обнаруживая маргинальный характер этих структур как переходных. Выдвинута теория глоссолалии как мета-языке первохристианства, который превосходил языки отдельных народов и был синтетическим языком, а не только фактом экстаза и молитвенным даром

(М. Скабалланович). Подобную точку зрения на заумь высказывают и поэты, настаивая на футуристической и универсальной природе заумного языка.

Выводы по III главе. Анализ нелинейной динамики ФМ показал: **1)** ФМ-система - один из векторов в развитии человеческих коммуникативных систем. В современной синхронии верификация эволюционных перспектив системы закрепляется *в качестве элементов в ее альтернативных формах* – доминантной (язык) и рецессивной («другая» речь);

2) проявления ФМ-системы в коммуникативных вариантах *бесконечны*, поскольку система пребывает в постоянном движении: семантических и структурных преобразованиях. ФМ-система выступает как «постоянно созидающая себя среда», оформляя те или иные варианты в соответствии с ритмами внешних импульсов. В исторической динамике происходят радикальные трансформации коммуникативных систем – от натуральной стадии развития языка до конвенциональной (С. В. Воронин), где ФМ являются структурирующим элементом, перемещаясь от центра к периферии. В современной синхронии – бесконечное порождение новых структур заумных систем, детской речи, глоссолалий и пр., где ФМ являются константной составляющей;

3) ФМ-система имеет альтернативный характер по отношению к доминанте языка, однако эта система не является случайными отклонением от магистрального течения: в своих случайных (хаотических) проявлениях (заумь, автономная детская речь) она оказывается детерминирована рядом языковых факторов. Все версии «другой» речи оказываются изоморфны друг другу, где ФМ выступают во множестве своих вариантов;

4) ФМ-система, являясь подсистемой ЗИС-языка, так же, как и последняя, имеет стохастический характер (С. Воронин), т. е. принципиально вероятностна;

5) стохастичность ФМ-системы обеспечивается свойствами: а) неравновесности, относительной неустойчивости, непредсказуемости изменений; б) необратимости во времени (утрата примарной мотивированности); в) случайностью изменений, которая позволяет постоянно моделировать при помощи ФМ новый хаос в «другой» речи (бред, глоссолалии, заумь и пр.).

Характерно отсутствие традиции при новом воспроизведении ФМ-системы, она каждый раз рождается заново (поэтическая и детская речь, глоссолалии, бред), часто вне воли и осознанного желания ее носителя. «Другую речь», в которой реализуется ФМ-система, нельзя выучить, показать, репродуцировать, поскольку она «появляется» сама по себе (если не учитывать глубинные механизмы генетического свойства). Даже при наличии традиции «обучения глоссолалиям», здесь учат не воспроизведению зауми, а воспроизведению условий, наиболее благоприятных для ее возникновения. Заумь каждый раз оказывается вновь организованной и тут же сломанной, брошенной, забытой системой.

В **IV главе «Характер функционирования ФМ в русской речи»** рассматривается функциональная специфика ФМ-системы и устанавливается ее маргинальный статус. ФМ-система характеризуется взаимоисключающими типами поведения: детерминированность (предсказуемое, упорядоченное) и стохастичность (хаос, непредсказуемое).

В **первом разделе «Виды изменений ФМ-системы»** определяются условия организации и самоорганизации ФМ-системы, а также ее поведение в точке ветвления (бифуркации). В п. 1.1. анализируются *внутренние и внешние изменения* (флуктуации, колебания), которые воздействуют на систему. Для ФМ-системы в современной синхронии свойственны все виды флуктуаций. *Вынужденные колебания* (усложнение структуры системы, связанные с изменением фоносферы; приобретение ФМ свойств общесистемных языковых единиц) и *автоколебания* (процессы в рамках законов соответствия знака с обозначаемым объектом, множественности номинации, ЗИ-инерции и принципов непроизвольности языкового знака, детерминизма, отражения) - свойства открытых систем. *Свободные колебания* (процессы в рамках законов примарной мотивированности и относительной денатурализации языкового знака) - свойства закрытых, стремящихся к равновесию систем.

Маргинальность ФМ-системы проявляется в ее способности являться *закрытой равновесной* системой, поскольку входы (звучания фоносферы) и выходы (примарно мотивированная единица), структура и функционирование в лингвофоносфере определенное время остаются неизменными. Одновременно с этим ФМ-система имеет признаки *открытой неравновесной* системы, поскольку организуется под влиянием внешней среды, испытывая влияние фоносферы (организация сигналофоносферы, технофоносферы и др.) и языковой системы (преобразование ФМ в слова; элементы морфологизации отдельных ФМ). Изменение психической среды человека (состояния измененного сознания) влечет изменение ФМ-системы, вплоть до ее преобразования в закрытую.

ФМ-система в своих альтернативах представлена как устойчивая и неустойчивая система одновременно: одна из ее подсистем легко адаптируется к новым условиям существования системы (введение нового способа означивания - от языка жестов к ЗП, от ЗП – к ЗС, от ЗИ-языка – к абстрактному), а другая подсистема консервируется в своих структурно-функциональных свойствах в системе «другой» речи (поэтические, мистические, магические языки).

В п. 1.2. рассматривается *поведение ФМ-системы в ситуации выбора* (в точке бифуркации), где система выбирает путь развития. Точки бифуркации провоцируются изменением управляющего параметра (в филогенезе доминирующая коммуникация данного пространственно-временного континуума) или управляющей подсистемы (в онтогенезе языковая система в целом), влекущей систему в новое состояние. Ветви развития системы согласуются с ее внутренними свойствами и прошлым состоянием (язык жестов - «звуковые жесты» ономатопей – ЗИ-протоединицы - абстрактный язык), сохраняющие генетические свойства первичной ФМ-системы (примарная мотивированность). Выбор ветви может быть связан с жизненностью и устойчивым типом поведения ФМ-системы (в поле языка), а также с весьма неустойчивыми и быстро «устаревающими» формами (заумь). Типы ветвей могут реализовываться неоднократно (поэтическая заумь в истории поэтики; автономная детская речь в онтогенезе).

Прогресс ФМ-системы в семиосфере связан с переходом от одного типа коммуникации к другому (в онто- и филогенезе - от био- к семиофоносфере, от проторечи к абстрактному языку, от жестового языка к звуковой речи) в диа-

хронии и динамике. В современной синхронии в пределах одного типа коммуникации ФМ-система – развернутая (усложненная) форма в системе языка, которая при определенных условиях снова сворачивается до пределов ФМ-системы в новом ее проявлении (например, фольклорная и поэтическая заумь). ФМ-система может *«консервироваться»* (обрядово-игровой, магически-религиозный дискурс); *деградировать* (задержка психического развития; бред); *разрушаться* (утрата примарной мотивированности); *деформироваться* (идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и пр.) (см. табл.).

Виды изменений ФМ-системы также носят маргинальный характер (см. табл. 1), поскольку один и тот же вид флуктуации (утрата примарной мотивированности) приводит систему одновременно к прогрессу (эволюция в абстрактный язык) и разрушению в системе обычного языка. С другой стороны, сохранение или «восстановление» примарной мотивированности на фоне нормы обычного языка приводит систему к консервации и деформации (деградации) одновременно.

Вид изменений		**Условие изменений**	**Результат**	**Вид реализации**
в диахронии и динамике	Прогресс (эволюция)	утрата примарной мотивированности	система абстрактного языка	обычный язык
	Разрушение (катастрофа)	утрата примарной мотивированности	система абстрактного языка	обычный язык
в современной синхронии и статике	Консервация	сохранение примарной мотивированности	«другая» речь	архаичные жанры обрядово-игрового и религиозно-магического дискурса
	Деформация Деградация (на фоне нормы)	«воскрешение» примарной мотивированности	«другая» речь	поэтическая заумь; патологические формы речи (бред, транс, глоссолалия)

Таблица 1

Во **втором разделе «Функции ФМ»** устанавливается специфика речеязыковых функций ФМ. В п. 2.1. рассматриваются *функции ФМ в русской речи.* Посредством ФМ возможна реализация любой из рече-языковых функций, в том числе и маргинальных (функция марки, по А. Леонтьеву: журнал ***Ах***; торговая марка *Рыжий* ***Ап;*** телепередачи ***Фигли-мигли***, ***Оба-на***). Коммуникативная функция ФМ реализуется в живой устной речи (особенно в эмоционально дискурсе), познавательная – в процессе постижения ребенком мира и языка. В общении с ребенком и носителями другого языка очевидна также метаязыковая функция, где «взрослый» или «чужой» язык интерпретируется через ФМ. Типичная функция ФМ - эмоционально-экспрессивная. Регулятивная функция представлена в словах-обращениях к животным, а также в параязыковых компонентах речи. Ср., запрет на действие (*И чтобы в моем столе не рыться –* ***ни-ни****;* ***Ну-ну****, не для вас делано. Убери-ка руки свои; А извозчик на нее****:* ***цыц!*** ***Цыц!*** А.Чехов); поощрение к действию (***Ну****, Владимир, что ж?; Сыпь сейчас, - сказал дьяк подставляя колпак, -* ***Ну-тка****!* А.Толстой).

Эстетическая функция связана с частотностью ФМ в художественном и фольклорном дискурсе (пословицы, поговорки, загадки, сказки, анекдоты и пр.). Магическая функция очевидна в ритуальных, религиозных, сакральных текстах, которые часто формируются посредством ФМ, а также в способности ФМ являться средством эвфемистической речи (*А не пошла бы ты на* ***пши****?* [после занятий польским языком]; *Я, говорит, тебя –* ***трах-тарарах*** *– размажу по стенке*). Фатическая функция проявляется при установлении (***эй, ау***), поддержании (***ну и ну, ах, ох-хо-хо***) и прерывании (***тпру, хоп***) контакта.

Маргинальность ФМ связана с возможностью их биологической мотивированности, т. е. наличием биологической функции (физиологическая релевантность некоторых явлений в коммуникации животных и человека). Так, первообразные междометия являют собою не только маркер биологического комфорта / дискомфорта, но и вызываются этими состояниями (*Дедушко-то лежит стонёт –* ***а-а-а, а-а-а.*** Таман Ус.; *Ох, мать твою…* ***Кхох****! Аж выворачивает всего.* В. Шукшин; *А где их взять? У меня ни копейки!* ***Пф*** *… изжога.* А. Чехов). ФМ маркируют пространство перехода от биологических кодов к семиотическим (так, в онтогенезе речи из непроизвольных, биологически мотивированных фонаций в том числе и через ФМ «прорастает» человеческий язык).

В п. 2.2. выделены *функции ФМ в «другой» речи.* Специфика номинативной функции - необходимость номинировать сущности, которые не поддаются описанию средствами обычного языка. Посредством метаязыковой функции на соматическом уровне, через артикулирование, интерпретируется информация из «другого» мира. Специфика регулятивной функции связана с попыткой человека влиять на представителей «иного» мира. «Другая» речь также связана с биологической функцией, где речь является физиологическим проявлением измененного состояния сознания. Менее ясна познавательная (когнитивная) и коммуникативная (движение информации) функции. Пока можно лишь предполагать наличие в «другой» речи информационной составляющей: часто, не имея традиции (обучение, передача, письменная или устная фиксация), заумные подсистемы в любой пространственно-временной и социо-культурной парадигме возникают как сопоставимые (изоморфные) системы. ФМ способствуют реализации данных функций наряду с другими единицами зауми.

В **третьем разделе «Сфера бытования ФМ»** устанавливается функциональная сфера ФМ: доминантная языковая система и маргинальные подсистемы «другой» речи (см. рис. 5). В языке ФМ - периферийный реликтовый слой; в «другой» речи - норма коммуникативного кода. В п. 3.1. рассматривается *сфера бытования ФМ в русской речи*. ФМ - маркер маргинального функционально-коммуникативного пространства: устная речь, в том числе связанная с пограничным состоянием сознания (языковая игра, детская и эмоциональная речь, речь в состоянии измененного сознания). ФМ частотны в художественной речи, музыкальном и рекламном дискурсе, встречаются в политической коммуникации самого высокого уровня. В п. 3.2. определяются *сферы бытования ФМ в «другой» речи*: сакральная сфера ритуального, религиозного и примыкающего к ней коммуникативного пространства; сфера детской коммуникации (игровой фольклор, детская заумь, пестушки, потешки) и сфера игрового пространства

вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, былички). «Другая» речь – это сфера измененного сознания, где проявление языка обычно понимается как «деформированный» доминирующий коммуникативный код. Как своеобразный синтез игровой и сакральной коммуникации с элементами измененного сознания, возникает «другая» речь в поэтическом дискурсе.

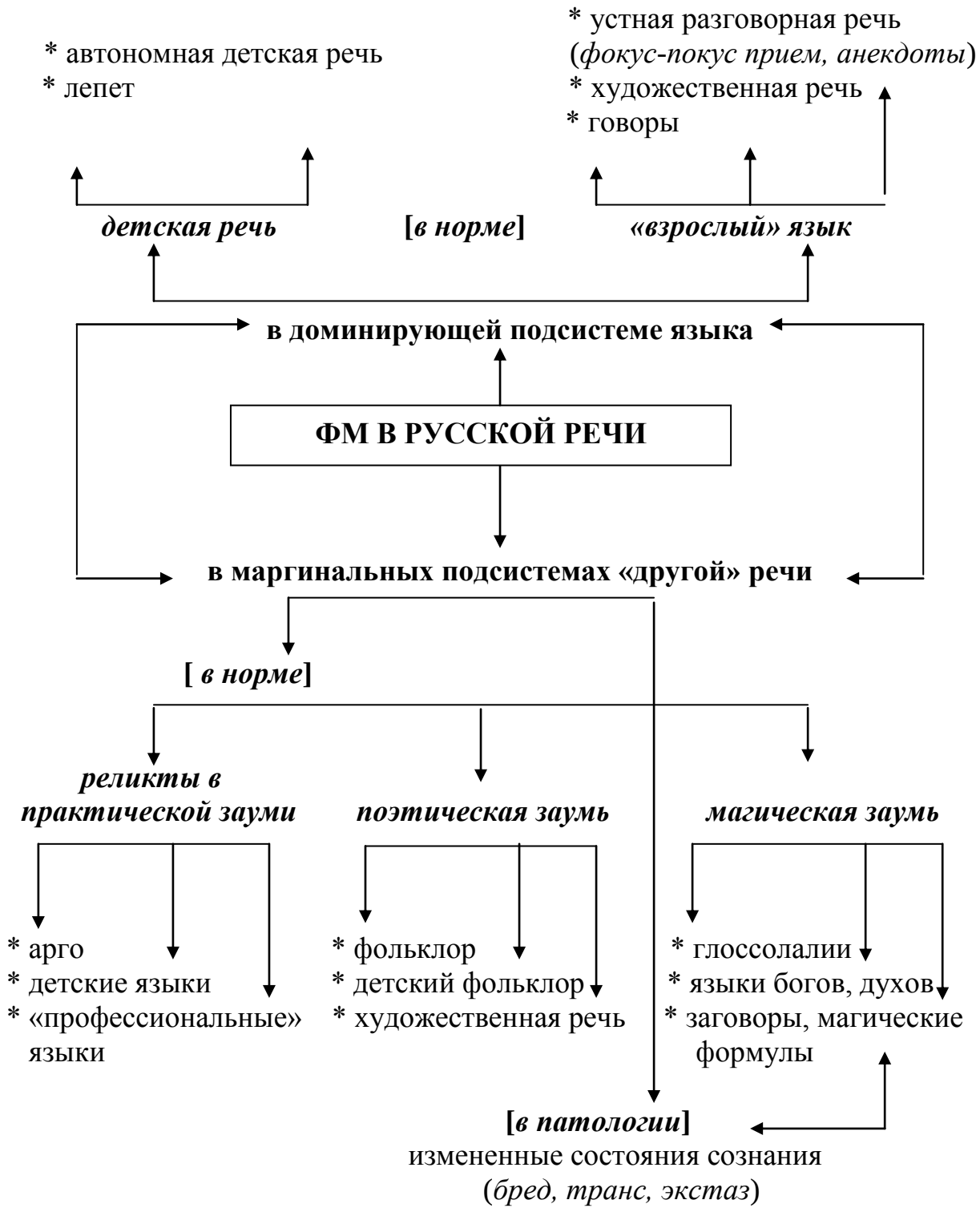

Рисунок 5

Повышенная частотность ФМ наблюдается в маргинальных функциональных подсистемах языка, которые связаны со специфической функцией (детская, эстетически ориентированная, патологическая речь) (см. рис. 5).

В **четвертом разделе «Функционирование ФМ в русской речи»** рассматривается в современной синхронии преимущественно на материале живой устной речи. Одно из условий повышения устойчивости системы в эволюционном периоде развития - сохранение определенной специализации подсистем. Многие системы имеют в своем составе оперативные и консервативные подсистемы, из них первые приближаются к среде, улавливая ее флуктуации, вторые - отдаляются от нее, сохраняя качественную определенность системы.

Как оперативные подсистемы в ФМ-системе рассматриваются отдельные приемы языковой игры, построенной на принципах ФМ-системы (палиндром, анекдот, «фокус-покус» прием), однако они настолько органично вписаны в доминантную языковую среду, что отрываются от «материнской» системы. Под консервативной подсистемой в ФМ-системе понимаются поэтические, мистические, магические языки, а также подсистемы отдельных фольклорных жанров, генетически связанных с ними (заговоры, загадки, паремии). Эти подсистемы наиболее эффективно «консервируют» свойства ФМ-системы.

Очевидно, что в ФМ-системе эти подсистемы функционируют регулярно, одновременно, в определенных рамках, выход за которые означает деградацию или разрушение ФМ-системы; выполнение этих условий повышают устойчивость ФМ-системы в эволюционном периоде ее развития.

В п. 4.1. исследуется *функционирование ФМ в оперативных подсистемах* языка. В современной синхронии ФМ отражают систему и принципы «расчленения» древнейших перво-смыслов: от физиологического до семиотического бытия человека. В условиях спонтанной, эмоциональной, художественной коммуникации ФМ оказываются предпочтительными. Функционирование ФМ исследуется в устной речи города (шутки, каламбуры, остроты, «приколы», анекдоты), в художественной речи (поэзия М. Цветаевой и проза В. Пелевина), в фольклоре (загадки, поговорки, заговоры, пестушки, потешки, народные анекдоты, былички). Анализ художественной фоносферы позволяет говорить о том, что лингвофоносфера в целом и ФМ являются одним из приемов организации текстов; идиолектные фоносферы изоморфны фоносфере в языке.

Функционирование ФМ обусловлено не только их выразительностью, экономностью, нарушением связной речи в стрессовых ситуациях, но и глубинными языковыми механизмами. ФМ как маркер жанра - лишь внешние проявления ФМ в тексте. Их употребление связано с глубинными языковыми и культурными механизмами развития человеческого общества. Так, в быличке выход нечистой силы из небытия репрезентируется сменой коммуникативных кодов, которые коррелируют с эволюцией человеческого языка: от жестового языка через ЗП и междометия к логическому языку. Переход от ФМ к системной лексике - переход от «нечеловеческого» мира к «человеческому».

В п. 4.2. исследуется *функционирование ФМ в консервативных подсистемах* - в религиозно-магической, литературной (поэтической), фольклорной и детской зауми. Анализируется состав и функционирование ФМ в заумной речи;

определяется роль ФМ в формировании «других» форм звуковой человеческой коммуникации, а также в сферах максимального проявления феномена ФМ в эмоциональной, экспрессивной, художественной, патологической, детской речи.

В русском *мистическом* дискурсе выделяется два типа экстатического говорения, оба из которых лежат в ЗИ-сфере. ЗС-подсистема представлена речью на «иностранных» языках, языкоговорением, глоссолалиями. ЗП-подсистема - либо артикуляторно мотивированным звукокомплексом (стоны, крики, истерический метеоризм, отрыжка, судорога, дрожь), либо подражаниями голосам животных и птиц (лай, ржанье, крик кукушки или петуха, мяуканье). Маргинальный характер религиозно-магической зауми проявляется в том, что она способна выполнять функции коммуникативного кода с любыми представителями «другого» мира: с Богом и Дьяволом, с высшими и низшими богами, с человеком и сверхъестественным существом.

Рассматривается заумь в проявлении магической функции языка - в заговорах, магических текстах (колдовство, кликушество, камлания юродивых и шаманов) и пр. Так, «речь» нечистых переполнена ФМ. Ср. речь, приписываемая ведьмам: ***Фук-фу! Фук-фу****! Насонтос шилаку;* ***Ау-ау*** *сгинь-скынь, шикалдаликалда; Мыш-мыш-лоу. Па-****га-га****-а,* ***ме-ме-ме-е****! Велосон поругин* ***бе****!; Хив,* ***чив****! Згин, згин!* ***Бя-бая****! – Згин, згин!* ***Жу, жу****! Згин, згин!* ***Кво-кво!****; Меко-ля, бео-****бя****! Выкеного сикеля!;* ***Гаам****! Згли-згли!* ***У-у-у****! Рекон, рекон, похондак, Так и эдак, так и сяк.* ***Жох! Жох! Жох! Жох****!;* ***О-о-о****-лык-дымда!* ***Ля-ля-ля! Жу-жу-жу! Уф-ф-фу****!;* ***М-м-м!*** *Л-н-з! Кубуки бонякт слобаки; Шиликун-мыликун!* ***Мда-мда****! Зга-зга!; Ликун-мыликун! Мду-мду!* ***Ну-ну****-забулгду!;* ***Ой****, гной* ***ой-ой****, лошонгмивошонгми;* ***Уа-Уа*** *финоглуна, жга-жга, нозинга*; речь, приписываемая домовому: «***Бара, бара***», - *говорит баран. А потом как оскалил зубы!; Гляжу, черт в реке. Как грянет, и только перестанет греметь, черт высунет ж…у из воды, подымет кверхи, и начинает бога дразнить. Ж…й вертит, трясет и кричит: «****Лю-лю-лю-лю-лю****!»; Тут скоро и хозяина на войне убило, и дочка померла. Вот и вышло, что суседка меня давил не к добру.* ***Фу-фу****. К худу, значит; Недоброе дело.* ***Х-х-х*** *- домовой так говорит, если к худу.*

Исследования *поэтической* зауми также указывают на универсальный характер заумной речи как в рамках одной культуры, так и на уровне межкультурных соответствий. Маргинально зыбки границы между шаманами и музыкантами, певцами, сказителями, которые считались одержимыми особыми духами. На близость детской, магической и поэтической зауми указывалось неоднократно. В поэтической речи (футуристы, обэриуты, постмодернисты) выделяются все составляющие зауми фольклорного и магического дискурса. Поэтическая заумь стремится лишить доминантные языковые коды их истинности, сознания и перевести их в сферу ирреального, «безумного». Поэтическая заумь характеризуется теми же стадиями «потери рассудка», что и другие виды зауми.

Маргинальный характер *фольклорной* зауми проявляется в том, что сложно уловить момент перехода из магии в практицизм, из обряда в забаву, из религиозного действа в фарс. Здесь, где свиты воедино религиозно-магическая, фольклорная и литературно-поэтическая заумь, сложно вычленить автономные системы. Все фольклорные жанры (танец, песня, игра, малые формы) связаны

как с семантикой, так и с активностью функционирования ФМ в них. Показательны здесь колыбельные песни и песенные рефрены (устойчивые ФМ формулы звука укачивания ***баю-бай, лю-лю, ла-ла, тра-ла-ла, люли-люли, качи-качи*** и др.), которые имеют четко выраженный сакральный характер.

В загадках, заговорах, пословицах, присловьях многие ФМ обусловлены промысловыми и бытовыми запретами, нормами тайной речи, табу, которые связаны со страхом перед стихиями, с умершими родственниками, с названиями животных, с половозрастными группами и пр. Ср. в загадках: охотничьи запреты: *Пошёл я на* ***тух-тух-ту*** (охоту), *взял с собой* ***тяв-тяв-ту*** (собаку), *нашёл я на* ***храп-тахту*** (спящий в берлоге медведь), *кабы не* ***тяв-тяв-ту****, съел бы меня* ***храп-тахту;*** табуированная женская речь: *Сидит* ***дендра*** *на* ***пендре*** *и кричит на* ***кондру****: не ходи кондра в пендру, в пендре* ***рында*** *и* ***мяндра*** (Сидит мать на печи и говорит дочери: не ходи в лес там медведи и волки); ***Брындя****! Не лази в* ***пенду****, в пенде* ***канда*** *про* ***хонда*** (Кот, не лезь в печку, в печке каша для гостя); *Хожу я по* ***топотихе*** (полу), *загляну я в* ***жукотиху*** (печь), *в* ***жукотихе топыра*** (дрова), ***грохотихою*** (заслонкой) *укрыта;* табуирование животного мира: *Четыре* ***стук-стук-стук****, а пятый* ***шняф-шняф-шняф****; Четыре* ***топоты****, четыре* ***громоты****,* ***ухтакатак*** *и один* ***мухтах****; Четыре* ***стучила****, четыре* ***гремила****, два* ***фарадога****, один москвич; Четыре* ***стучихи****, четыре* ***гремихи****, два* ***богомола****, один* ***вихлец*** (корова)***;*** табуирование стихий: ***Татар, татар*** *по горам,* ***Таратуха*** *по низам,* ***Татар*** *крикнет,* ***Таратуха*** *мигнет* (гром, молния); ***Чирандо вырандо*** *за огородом гнется,* ***цыландай выландай*** *за угол бежит* (Ручей).

В процессе исторической жизни фольклора происходит постоянное взаимное межжанровое передвижение, где межжанровые трансформации, переливание мотивов и образов могло повторяться неоднократно (А. Веселовский, В. Еремина). В русском материале часто не связанные друг другом формы и жанры заумной речи (например, жанры детской и магической зауми) демонстрируют структурную однотипность. Ср.: ***Тыхтым-бахтым*** *выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); ***Бахтын-кухтын*** *назиргин-валинтын* (песня при похоронах ведьм); ***Бахтын-кухтым*** *тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); ***Сахар-бахар*** *четверак нюхал дедушка табак* (считалка); ***Сахар-бахар****-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм). Во всех фольклорных жанрах в той или иной мере представлены ФМ.

В *детской* зауми рассматриваются тексты детского фольклора в рамках коллективной коммуникации детей (считалки, дразнилки), а также индивидуальные тексты, создаваемые ребенком в процессе овладения языком (вне рамок автономной детской речи). Наиболее типична заумь для считалок (*Ден-ден-доли, Ден-ден-доли-доли, Чаща беби, Чаща беби, Чаща беби пепси-кола, Джими, джими, лувис, Джими, джими, ягус. Чаща беби, Чаща беби са, Чаща беби, румба, колбаса. Акум, акум — Фигу с маком*). Современные авторские считалки создаются по архаически заданным схемам (*Аты-баты чума-чум Ачерепа атамбум Бумафера атарас На горе вечерний час. Свиньи в бане танцевали Все кадушечки сломали. Чики-брики ковшик*).

Менее исследована индивидуальная детская заумь, не связанная с игровой и коммуникативной деятельностью детей; своеобразные глоссолалии, которые

доставляют ребёнку удовольствие от языковой игры. Детская заумь изоморфна магической и поэтической зауми (по П. Флоренскому): словообразовательная («северянинская») заумь 3-5 лет (***мланжик*** «след на теле от резинки, шва», ***берила*** «перила», ***ногав*** «штанина», ***вынка*** «ложка», ***носли*** «сопли»); «хлебниковская» заумь 6-7 лет (*Тятя-потятили тятили-тятили потятили-изтятили и затятить не успели*); собственно заумь («крученыховская») 3,5 - 4 года (*Каки-баки-торобаки не действительно кубаки, пиф-паф-тарарах у меня второй испуг; Лера-пера-окукера*); ситуационная («хармсовская») заумь 7 - 7,5 лет, которая не относится к нашему материалу, но показывает изоморфизм различных заумных систем (*Когда-то в Англии мой деревянный друг попросил приглядеть за его носорогом. Но я ненадолго отлучился за поп-корном. Потом я обнаружил, что носорог пропал. Но затем я нашел его на люстре. И вот мы сидели и смотрели телевизор. Но тут звонок в окно* и т.д.).

Далее рассмотрены *отношения субституции в русской зауми.* Косвенным подтверждением «функционального родства» всех выделенных составляющих зауми является возможность ФМ, заимствований и инвектив замещать друг друга. О способности ФМ к субституции инвектив свидетельствует и употребление ФМ в эвфемистической функции. Ср. в устной речи города: *Так и хочется сказать* ***трам-парарам****, когда такое видишь; Ерофеев! Почему не так стоите? Неужели нельзя стоять стройно,* ***парам-пам-пам*** (из интервью с Вен. Ерофеевым); в художественной речи: *Эй,* ***траммтарарам****, не трогай,* ***траммтарарам****, мину* (М. Зощенко); *Дай ему, Кужель,* ***бам барабам****, по-лягушиному, вперевёрт его по-мартышкиному, три кишки, погано очко* (А. Весёлый); в народной речи: ***ёксель-моксель, бляха-муха, ёк-макарёк, едрёна-матрёна, ёлы-палы, ё-моё.***

Анализ показывает, что фонетически, структурно и семантически ФМ и элементы бранных возгласов идентичны, что позволяет им замещать друг друга, не утрачивая характера передаваемой информации (негативной) и усиливая экспрессию (максимальное освобождение от эмоций). Большинство инвектив содержат ФМ «ударной» природы - ***трах-тарарах***, ***трам-парарам***, ***парам-пам-пам траммтарарам***, ***бам барабам.***

Для инвектив, как и для ФМ, характерны: **1)** редупликация (полная или частичная) – *та***рара***, е***ксель***-*мо***ксель, ёх**-*пере***ёх**; **2)** фонетическая вариативность - *едришкина* **ка**ть / *ка***н**ь / **х***ать;* **т***интиль*-**в***интиль* / **м***интиль;* **3)** актуализация фонетической периферии: **я***кар-мар, ел***ёх***а-во***х***а, епи***х***а-ма***х***а,* **ё***р-ма***х***ор, ёлы-пал***ы***, ё-мо***ё***;* **4)** неограниченный словообразовательный потенциал – ***ек / ех*** > **ек***сель-поксель,* **ек***сель-моксель,* **ек***ель-покель,* **ек**-*макарек,* **ех**-*переех,* **ех**-*мох,* **ех**-*мах,* **ех**-*не мох,* **ех***а-маха,* **ек***ера-мара,* **ек***арный бабай,* **ех***аный бабай,* **ек**-*королек,* **ек**-*якорек,* **ек**-*кошелек,* **ех***ор-махор,* **ех***ор-малахай* и др.

Бранные возгласы, как и ФМ, часто связаны с низшими духами («другим» миром). Ср. *екарный* ***бабай,*** ***бабай*** *неладной,* *еханый* ***бабай*** *,* *худой* ***бабай, бабай*** *тебя забери (понеси);* ***вихор****(ь) тебя подыми / возьми / унеси;* ***вихор*** *с ним; каку* ***кумуху (комуху, кумаху)****, на каку* ***тресью (тресню)****; какого* ***чемера, чемер*** *с тобой,* ***чемер*** *возьми, что за* ***чемор (чемер)****,* где ***бабай, вихорь, чемер*** одно из названий черта / лешего, ***кума(ха), тресь(я)*** - табуированные названия лихорадки / падучей.

В **пятом разделе «Жанровая специфика ФМ»** устанавливается, что частотность ФМ возрастает в текстах, которые отвечают одному из признаков: **1)** высокое эмоциональное напряжение текста (поэтическая, магическая и эмоциональная речь, частушки, трудовые песни, былички, «полемические» бытовые жанры (от ссоры до истерики); **2)** связь жанра с обрядом и его кодами; с древними формами речи (религиозный и магический фольклор; паремии, загадки; детский фольклор). Высокая степень устойчивости жанра связана с религиозной или магической функциями (песни ведьм, заговоры, загадки, былички, глоссолалии, косноязычие юродивых и кликуш, детский фольклор); **3)** ограниченное словесное пространство (загадки, пословицы, поговорки, дразнилки, пестушки, потешки, частушки, анекдоты, «приколы»); **4)** устная традиция существования (фольклор; инвектива); **5)** принадлежность детской речи.

В **шестом разделе «Маргинальность ФМ-системы»** систематизируются маргинальные свойства системы, которые проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ. В п. 6.1. рассматривается *меж-бытие (пограничность)* ФМ-системы, которая выступает как маркер границы в рамках семиосферы между био- и лингвосемиосферой; в рамках лингвосемиосферы между проторечью и современным языком, практическим и поэтическим (магическим) языком, нормой и патологией речи.

ФМ формируют эту пограничную зону: там, где снижается / заканчивается / начинается / повышается частотность ФМ, можно полагать нахождение границы между одним и другим языковыми состояниями. ФМ-система организуют маргинальную зону в фоносфере (между био- и семиосферой); в биофоносфере (между зоо- и антропофоносферой); в лингвосемиосфере (между кинестетической и звуковой, детской и взрослой речью, проторечью и современным языком; аграмматичностью и грамматикой, полисемантичностью и ЛЗ, парасинтаксисом и синтаксисом); в семиосфере (между мотивированным и немотивированным, иконическим, символическим знаком).

ФМ-система маркирует пребывание говорящего в зоне ино-бытия. На уровне фоносферы ФМ маркируют выход за границы биосферы - в семиосферу. В лингвосемиосфере ФМ указывают на выход за границу естественного языка - в «другую» речь. В синхронии ФМ-система пребывает за границей «нормального» языка (грамматически оформленного, синтаксически расчлененного, семантически определенного). Очевидно проявление ино-бытия ФМ в «другой» речи.

В п. 6.2. рассматривается *переходность ФМ-системы*. Если учитывать интерпретацию переходности в лингвистическом дискурсе, то в рамках лингвосемиосферы ФМ отражают многие свойства грамматической переходности. ФМ являются двуплановой (конкретно-чувственной и абстрактной), семантически диффузной, многоплановой единицей, что мотивировано семантической избыточностью и неопределенностью ФМ. Так, причиной возникновения полифункциональности слова в синхронной переходности считают обобщённый характер семантики слова, где условием возникновения переходности является использование слова в нетипичной для него синтаксической функции (ср. формы типа *бац, хлоп, бряк*). ФМ также связаны с явлением перехода из одного грамматического класса в другой (возможность субстантивации).

В рамках фоносферы переходность ФМ-система обусловлена ее способностью формировать зоны перехода из зоо- в антропофоносферу (на уровне артикуляторных ФМ), а также от биофоносферы в семиосферу в целом.

В п. 6.3. рассматривается *нормированность / ненормированность* ФМ-системы. В лингвосемиосфере ФМ понимаются как второстепенные, онтологически неважные знаки, также они являются языковым маркером той или иной формы девиации - отклонение от нормы, «неполноценность». Но ФМ в пространстве «другой» речи, в ситуации поиска адекватного коммуникативного кода выступают как норма.

В п. 6.4. рассматривается *центральность / периферийность ФМ-системы.* В фоно- и семиосфере - это периферия (существование только в рамках лингвофоносферы). В лингвосемиосфере в современной синхронии ФМ-система располагается на периферии языковой системы, но является ядром ЗИС языка; в динамике (генезисе) перемещается с центра на периферию. В диахронии (от проторечи – к абстрактному языку) и в синхронии (детская речь, заумные идиостили) центр и периферия меняются местами.

В п. 6.5. рассматривается *инаковость ФМ-системы,* которая в семиосфере репрезентирует «инаковые», «другие» языки, в том числе и сакральные. В лингвофоносфере инаковость ФМ проявляется в безусловной примарной мотивированности; в неограниченности звуковой материи (любые артикуляторные звучания); в «другой» морфологической (незначительная морфологизация) и синтаксической (ограниченные синтаксические функции) организации; в специфичной семантике (широкозначность, амбивалентность, синкретизм); в жесткой привязке к игровому, патологическому, поэтическому дискурсу.

Выводы по IV главе. Изменения ФМ-системы обусловлены различного рода колебаниями (флуктуациями), которые испытывает система в процессе функционирования. Все колебания в ФМ-системе обусловлены фоносемантическими законами.

Усложняясь в процессе исторической динамики, ФМ-система получает возможность нескольких путей развития, которые, с одной стороны, могут рассматриваться в рамках перехода от одного типа коммуникации к другому (прогресс), с другой стороны, как изменение системы в пределах одного типа коммуникации (консервация, деградация, деформация, разрушение). Бесконечно модифицируясь в диахронии, маргинальные образования сохраняют ряд устойчивых признаков, в которых «консервируется» их родовая принадлежность любому «началу» речи-языка и их основная функция в синхронии - создание новых зон бытования языкового кода и его новых ипостасей.

Маргинальность ФМ обусловливает возможность их функционирования как в языковой системе (оперативные подсистемы ФМ), так и в маргинальных подсистемах языка, которые наиболее рельефно проявляются в рамках «другой» речи (консервативные подсистемы ФМ). В консервативных подсистемах посредством ФМ консервируются архаичные коммуникативные коды; в оперативных подсистемах ФМ являются маркером архаичного жанра либо все также «консервируют» глубинные языковые и культурные механизмы семиозиса.

Маргинальность ФМ-системы определяется следующими факторами: 1) как в рамках внутренней структуры естественного языка, так и при условии перехода от одного типа коммуникации к другому ФМ-система *организуют маргинальную зону, маргинальное пространство,* возникающие в «зазоре», «незаделанной дыре бытия» (М. Мамардашвили) языка между слоями и структурами. ФМ-система обнаруживает свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур как в синхронии, так и в диахронии. ФМ являются показателем пребывания за границей, по ту сторону, в иных сферах языкового бытия (*ино-бытие*);

2) *переходность* ФМ связана как с понятием грамматической переходности, так и с понятием семиотической переходности, когда происходит переход из одной фоносферы в другую, от одного семиотического кода – к другому, от одной коммуникативной системы – к другой;

3) ФМ можно рассматривать одновременно как *норму* и *патологию*, а также как деформацию нормы, крайняя степень которой приводит к отрицанию языковой нормы в любом ее качестве;

4) ФМ являют собою *центр* и *периферию* одновременно, обусловливая целостность языковой системы, ее равновесие и относительную устойчивость.

ФМ-системы одновременно существуют и как эволюционная линия развития (от проторечи к абстрактному языку), и как параллельное возникновение и сосуществование ФМ-подсистем независимо от времени и пространства. Все версии (траектории развития) ФМ-системы, рассыпанные в языковом континууме, нельзя привести к единому «образцу», однако все они составляют особую семиотическую цельность.

Анализ свойств маргинальности ФМ-системы показал, что она существует как открытая и закрытая, равновесная и неравновесная, устойчивая и неустойчивая одновременно.

В **Заключении** подводятся итоги работы и определяются перспективы проведенного исследования.

ФМ-система является маргинальной подсистемой в рамках ЗИС языка, развивающейся во взаимосвязи и взаимозависимости с внутренней (языковая система) и внешней (внеязыковая звучащая реальность) средой ее существования. Свойства маргинальности ФМ-системы проявляются на всех уровнях и во всех видах существования ФМ.

С одной стороны, это закрытая и устойчивая система с четко определенными параметрами. Системность ФМ-системы обусловлена наличием собственной единицы ФМ; особым типом знаковости (безусловная примарная мотивированность); наличием особой функции (биологической); особой структурой, обусловленной фоносферой; спецификой функционирования (области проявления различной степени измененного сознания). Данные свойства ФМ-системы указывают на ее «проторечевой» характер и на возможность прогресса системы при переходе от одного типа коммуникации к другому (от биосферы к семиофоносфере, от проторечи к абстрактному языку) в диахронии и динамике.

С другой стороны, это открытая и неустойчивая система, поскольку она существует как нелинейная самоструктурирующаяся среда, случайно обретаю-

щая те или иные свойства. Свойства ФМ-знаков, заданные на биологическом уровне, проявляются в разного рода дискурсах хаотично, несистемно, что приводит систему к «консервации» (обрядово-игровой, магически-религиозный дискурс), деградации (нарушении психики; бред), деформации (идиолектная заумь; «говорение» при патологиях речи и пр.), разрушению (утрата примарной мотивированности).

В современной синхронии ФМ-система – это норма и патология, центр и периферия, системность и асистемность, проторечевое и языковое, устойчивое и неустойчивое одновременно.

Перспективность исследования проявлений маргинальности в языке очевидна. Необходимо перестать отождествлять язык с той его частью, которая известна нам лучше всего, и признать существование «двойников» языка, факт «множественности систем, функционирующих в языке» (Р. Якобсон), в том числе и маргинальных.

В функциональной лингвистике и социопсихолингвистике как маргинальные языковые образования могут исследоваться «отрицательный», по Л. В. Щербе, языковой материал (ошибки, «ляпсусы», оговорки), современные говоры, регионолекты, социолекты, жаргоны, детская и патологическая речь, современные коммуникативные системы и дискурсы (Интернет, общение в чатах, пейджер- и sms-связь, реклама); в семантике и лексикологии - идиоматика, окказионализмы, явления омонимии, энантиосемии, паронимии, различного рода контаминации; в грамматике – окказиональные и архаизованные словообразовательные и синтаксические модели и т. п.

Представляется, что перспективность подобных подходов к изучению языковой реальности позволяет открывать новые интерпретационные возможности не только в рамках частного (фоносемантика, лексикология, этимология, грамматика, текстология), но и общего (проблема мотивированности языкового знака, генезис речи, теория коммуникации, теория перевода) языкознания.

Выдвигаемые в диссертации положения иллюстрируются материалами пяти **приложений**: **1)** *«Этимология ФМ»* - статистика происхождения, примарной мотивированности, этимологических значений ФМ; **2)** *«Фоносемантика ФМ»* - фоносемантическая типология русских ФМ; звукоизобразительные функции фонемотипов в русском языке; **3)** *«Семантика ФМ»* - материалы по многозначности ФМ; по соотношению семантики физиологической реакции, эмоции и коммуникативной реакции; по словообразовательному и семантическому потенциалу ФМ (***верть***); по русским лексическим аттрактантам; **4)** *«Функционирование ФМ»* - материалы по функционально-стилистическому разнообразию состава ФМ; тексты индивидуальной детской, фольклорной (загадки, считалки), религиозно-магической (песни ведьм, глоссолалии, заговоры) и поэтической зауми, а также анализируемый в работе фрагмент повести В. Пелевина «Желтая стрела»; **5)** *«Семиотика ФМ»* - звуковые гадания и приметы.

По теме исследования опубликовано 35 работ. Основные результаты исследования **отражены в следующих публикациях**:

- монографии:

1) Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. - 216 с.;

2) «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. - Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005. - 350 с.;

- словари:

3) Словарь пермских говоров. - Пермь: Книжный мир, 2000. - Вып. 1. - (Соавторы Бажутина Г. В., Борисова А. Н., Подюков А. И., Прокошева К. Н., Федорова Л. В. и др. Всего 8 человек) - описание ФМ;

4) «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004. - 225 с.;

- учебные пособия:

5) Анализ звуковой структуры и интерпретация стихотворного текста. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1996. – 51 с. (Соавтор О. И. Васнева 51/47 с.);

- статьи:

6) Изобразительная лексика и ее отражение в диалектных словарях уральского региона // Лингвистическое краеведение Прикамья: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. Г. В. Бажутина. - Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1988 . - С. 34-50;

7) Явления фоносемантики в некодифицированной речи городского населения// Лингвистическое краеведение: Межвуз. сб. научн. трудов / Отв. ред. И. А. Подюков. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1991. - С. 69-78;

8) Инвективная лексика в повести Ю. Алешковского «Николай Николаевич» // Новые тенденции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков: Материалы научн. конф. / Отв. ред. Ю. А. Левицкий. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 1996. - Вып. 2. - С. 10-13;

9) Аномальные языковые единицы в разных фольклорных жанрах // Фольклорный текст – 98: Сб. докл. научн. конф. / Под ред. И. А. Подюкова. - Пермь: ПРИПИТ, 1998. - С. 105-116;

10) Символика речи (говорения) в свадебном тексте // Фольклорный текст – 99 / Научн. ред. И. А. Подюков. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. - С. 31-39;

11) Рассекающий бездну (о примарной мотивированности «заветного» в фольклорном тексте) // Словесность и современность: Материалы Всеросс. Конф. Фольклорный текст / Научн. ред. И. А. Подюков. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. - Ч II. - С. 77-91;

12) Фоносемантическая игра как элемент поэтики анекдота // Фольклорный текст – 2001: Материалы научн.-практ. семинара / Научн. ред. И. А. Подюков. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2002. - С. 104-110;

13) Языковые «аномалии» поэтического языка М. Цветаевой // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи: Сб. статей Всеросс. научн. конф. - Соликамск: Соликамский пед. ин-т, 2002. - Т.2. - С. 59-67;

14) Фоносемантическая структура текста былички // Фольклорный текст 2002 / Научн. ред. И. А. Подюков. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. - С. 34-43;

15) Дребезги тотальной антропологии В. Пелевина // Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Материалы всеросс. научн.-

практ. конф. / Отв. ред. М. П. Абашеева. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. - Ч. I. - С. 125-135 (соавтор Е. Порина 10/8 с.);

16) Кто меньше: карлик или лилипут? // Филолог. Научно-методический журнал ПГПУ. - Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. - № 2. - С. 17-23 (соавторы Л. А. Белова, О. И. Васнева 7/ 4 с.);

17) Граффити или граффито? // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч. II: Теория и практика современной письменной речи: Материалы конф. / Под ред. Н. Д. Голева. - Барнаул: Алтайский ун-т. 2003. - С. 48-56 (соавтор Т. И. Доценко. 8 / 4 с.);

18) Функционирование «зауми» в русской речи / Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации: Материалы междунар. научн. конф., посвященной 70-летию проф. М. Н. Кожиной / Отв. Ред. М. П. Котюрова. - Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. - С. 229-234;

19) О понятии «фоносфера» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 3. Филология. - Челябинск: ЧГПУ, 2005. - С. 181-189;

20) Семиотика звука в повести В. Пелевина «Желтая стрела» // Вестник Оренбургского государственного университета. Оренбург: Оренб. гос. ун-т, 2005. - № 11. - С. 51-55;

21) Фоностилистический анализ текста // Анализ поэтического текста / Под ред. Н. А. Петровой. - Пермь: Перм. гос. ун-т, 2005. - С. 17-36;

22) «Что думают лошади, когда их никто не видит»: заметки о русской детской зауми // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. - Оренбург: ОГПУ, 2006. - №1 (43). - С. 19-26;

23) «Сказать звук…»: фоносемантические маргиналии в поэзии М. Цветаевой // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. - Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 90-101;

- тезисы:

24) Неисследованный пласт лексики пермских говоров // Новое мышление и проблемы гуманитарного знания: Тезисы докл. конф. молодых уч. - Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1987. - С. 116-117;

25) Социальные функции ономатопов в тексте повести А.Веселого «Реки огненные» // Проблемы художественности и анализ литературного произведения: Тезисы докл. научно-практической конф. - Пермь: Перм. гос.пед. ин-т, 1989. - С. 62-65;

26) Семантика и функции ономатопов в речи // Семантика языковых единиц и ее изучение в школе и вузе: Тезисы докл. научн.-практ. конф. - Нижн. Новгород: Нижегор. гос. пед. ун-т им. М. Горького, 1993. - С. 93-94;

27) Символика в детском жутком фольклоре // Явления вариативности в языке: Тезисы докл. научн. конф. / Отв. ред. Л. А. Араева. - Кемерово: Кузбасвузиздат, 1994. - С. 114-116 (соавтор А. Брагина 2/1,5 с.);

28) Музыка и поэтический мотив // Язык, сознание, этнос, культура: теория и прагматика: Тезисы докл. XI Всероссийского симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. - М.: Ин-т языкозн. РАН, 1994. - С. 57-59;

29) Рекламная речь современного рынка // Язык города: Тезисы докл. Всеросс. научн. конф. - Омск: Омск. гос. ун-т., 1995. - С. 29-30;

30) Русская ономатопея: структура, семантика функционирование // Актуальные проблемы психологии, этнопсихолингвистики и фоносемантики: Материалы Всеросс. конф. - М.; Пенза: Ин-т психологии; Ин-т языкознания РАН; ПГПУ им. В. Г. Белинского, 1999. - С. 206-208;

31) Коми-пермяцкие акустические ономатопы (материалы к универсальной классификации ономатопов) // «Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания»: Тезисы докл. научн.-практ. конф. - Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 2000. - С. 58-60 (соавтор С. Петрова 3/2,5 с.);

32) «Сказать стон …»: о семантических «примитивах» в поэтике М. Цветаевой // Язык и культура: Тезисы докл. междунар. научн. конф. - М.: Ин-т иностр. языков, 2001. - С. 180;

33) Семантика русских ономатопов: динамический аспект // Изменяющийся языковой мир: Тезисы докл. междунар. научн. конф. - Пермь: Перм. гос. ун-т. 2001. - С. 17;

34) Восприятие и репрезентация *того* мира в быличке / Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы докл. XIV междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации / Ред. Е. Ф. Тарасов. - М.: Ин-т яз-ния РАН, 2003. - С. 317-318;

35) О русском фоносемантическом словаре // Знак: икона, индекс, символ: Тезисы докл. междунар. конф., посвященной 70-летию со дня рождения проф. С. В. Воронина / Под ред. А. В. Зеленщикова, О. И. Бродович. - СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. - С. 75-76.